

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТЕНЬЮ

ЕВГЕНИЙ КОСТРИЦА

Евгений Кострица

Возвращение тенью

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74600236

Аннотация

Ло Мин погиб на Нефритовых Террасах, защищая имя своего дома. В мире голодных духов от него остались лишь тень, обглоданная память и желание отомстить.

Вернуться ему помогает Цай Ань – нищая воровка с клеймом блудницы и кровью, за которую готовы убить. Загнанная в угол, она заключает контракт с незнакомым духом: он будет защищать её, а она – кормить его и давать силу.

Ни один из них не понял, что именно вписано в клятву.

Содержание

Часть первая	4
Пролог. Дитя, которого не было	4
1. Чаша, которая была полной	11
2. Ласточка в соли	26
Интерлюдия: Двор	37
3. Роса на струнах	42
4. Приговор без звука	52
5. Вкус имени	58
6. Колодец без дна	61
7. Шепот пустоты	65
8. Две печати	72
9. Там, где сухо	85
10. Под каменным карпом	104
11. Пар над чашей	122
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Евгений Кострица

Возвращение тенью

Часть первая

Пролог. Дитя, которого не было

*«Когда государь умирает, десять тысяч теней
ищут хозяина» – из записей Серых.*

Гу Дзинь узнал о смерти императора по тому, как гонец забыл поклониться. Он прохрипел что-то и, опомнившись, упал на пол, сложив руки в знаке почтения. Весть, которую так торопился сюда донести, затмила даже нормы устава.

Послушник был изможден, лицо иссечено ветками: мчался напрямик через лес. Вода, стекая с одежды, собралась в лужу.

Ночь прорезала молния, и за окном гроыхнуло. Ветер качал фонари. Дождь висел над монастырским двором серебристыми нитями, расплетая на лоскуты небо.

Гу Дзинь отложил кисть. Рисунок испортила капля сорвавшейся туши.

– Говори.

Гонец всё еще не мог отдышаться, поэтому протянул руки, согнувшись в поклоне.

В его ладонях лежала половина нефритовой бирки.

Настоятель осторожно взял, словно боялся, что на ней может быть яд. Камень расколот, но знак императора еще ясно читался.

Где-то в глубине монастыря послушник ударил в барабан, призывая монахов к ночной медитации. Звук был привычен. Мир не знал, что приказано дрогнуть.

– Когда? – спросил Гу Дзинь.

Голос гонца наконец-то прорезался:

– На исходе часа Свиньи, досточтимый.

– Что еще?

– Внутренний дворец закрыт, ворота опечатаны. Принц Чэн собрал Совет. Еще не все дома знают.

Гу Дзинь прикрыл глаза.

Принц Чэн.

Младший брат государя ходил на полшага от трона, но не мог коснуться его без ожога. Подобные люди не ждут милости Неба. Они берут ее сами.

– Печать? – спросил, не открывая глаз, настоятель.

– Не объявлена.

– Наследный указ?

Гонец сглотнул.

– Не объявлен.

Это хуже всего. Когда в империи нет указа, умирают ми-

нистры. Когда указ есть, но его не показывают – те, кто за ними.

Гу Дзинь взял чашу с чаем и сделал глоток. На поверхности плавал листик, похожий на мертвую бабочку.

– Евнух Хоу?

– В добром здравии.

– Живых при дворе считают не по дыханию, – буркнул Гу Дзинь, позволив себе раздражение. – Он приглашен на Совет?

Ветер ударил дождем в ставни, и гонец вздрогнул.

– Да.

– Свободен.

Послушник, пятась и кланяясь, вышел.

Настоятель встал и подошел к окну. Взгляд устремился туда, где кипарисы отделили невзрачный домик от прочих построек. Свет фонаря на нем выглядел болезненно тусклым.

Там жила женщина, о которой не говорили. Раньше ее рисовали на шелковых веерах, но безумие не щадит красоту. От нее осталась лишь тень, что слушает мир не ушами. Но месяц назад там родилась девочка. Она не знает ни императора, ни его брата, а лишь вкус молока и тепло матери.

Но этого хватит, чтобы принц Чэн не находил себе места. Если евнух купил себе жизнь, убийцы будут здесь завтра еще до первой молитвы.

Спаси ребенка нетрудно. Трудно оставить на ее месте другого.

Гу Дзинь отошел от окна и взял с крючка плащ. Ночь обещала быть долгой.

Настоятель вышел за стены по подземному ходу, чтобы никто не увидел и направился к мосту на другом конце города.

Ночи в Шуймэне никогда не были тихими, но дождь разогнал людей с улиц. Гу Дзинь спрятал лицо под капюшоном, а остальное скрадывал плащ. Под ним мог быть кто угодно — нищий, пьяница или призрак, оставшийся без подношений. Другие в такую погоду не бродят.

Под аркой моста горели костры. Пламя дрожало на ветру и приседало, будто кланяясь духам. Прячась от дождя, люди прижимались друг к другу, чтобы стало теплее. Днем здесь сбывали ворованное, а ночью сюда заходили лишь самые смелые.

Нищие видят лучше, чем стражники, и гостя заметили. Но у Гу Дзиня здесь свой человек.

— Досточтимый! — улыбнулся карлик, смотря снизу вверх. Один глаз у него белый, зубов почти не было, но именно он под мостом старший.

— Мне нужен грудной младенец, Ши Мин, — тихо сказал настоятель, звякнув монетами. Он покупал не ребенка, а время. — Девочку без уродств. Плачу, сколько скажут.

Карлик перестал улыбаться, но уточнять благоразумно не стал. Любопытных находили в реке, и Серым не задавали лишних вопросов.

– Да, досточтимый.

Ши Мин вернулся к своим, и разговоры там стихли. Через какое-то время он привел босоногую нищенку с младенцем в тряпье. Лицо ее было некрасивым, потасканным и бесконечно усталым. Здесь в двадцать выглядят на сорок пять, и возраст определить было трудно.

За спиной у нее жались еще двое детей. Мальчик с раздутым животом держался за подол. Девочка постарше смотрела в землю, чтобы не видеть того, что потом не забыть.

– Покажи ему, – сказал карлик.

Женщина осторожно развернула сверток. Ребенок тонко захныкал. Худая, синие от холода губы. Молока, видимо, не хватало совсем.

Гу Дзинь окинул девочку взглядом и протянул увесистый мешочек с монетами. Жизнь под мостом стоила дешево, но эта обойдется дороже, чем решился бы посчитать.

Нищенка взяла деньги и разрыдалась. Опустилась на колени, прижала младенца к груди, стала качать.

– Прости, милая... – голос сорвался. – Не сердись на маму, слышишь? Если бы... нет...

Поцеловала ладошку ребенка, потерлась щекой о ее лоб. Дождь так же ровно катился по ее лицу – где он, где слезы, не разобрать. Ни просьбы, ни надежды в этом плаче. Только то, что с этим ей жить.

Старшая за спиной отвернулась, плечи затряслись. Мальчик тоже заплакал, но прижал руку ко рту.

Мать вынула из-за пазухи красную нитку и стала завязывать ее на запястье младенца. Пальцы у нее дрожали, не слушались, но узелок наконец-то получился.

– От дурного глаза, – сказала она в пустоту, будто это и есть самое худшее, что с ребенком может случиться.

И вдруг стала целовать его – быстро, жадно, точно боялась, что вот-вот отнимут. В лоб, в щеки, в синие губы. Так целуют, когда хотят накормить любовью, а молока уже не осталось.

– Достаточно, – пробормотал карлик. – Господин ждет.

Она посмотрела на него так, что тот осекся. На миг в ней проступила мать, готовая перегрызть горло любому. Но за спиной дышали еще двое, и она об этом помнила.

Нищенка поднялась. Ноги не держали. Старшая дочь шагнула было помочь.

– Не трогай.

Сверток она протянула Гу Дзиню, но из рук не выпустила. Он ждал.

Мать засмеялась сквозь плач, коротко и страшно.

– Смотри-ка... жрать нечего, а всё держусь.

Разжала пальцы.

Младенец на руках оказался легким, будто в нём и не было жизни, один только выдох, свёрнутый в мокрую тряпку.

Женщина повернулась к детям:

– Идем.

Мальчик смотрел на сверток в руках чужака.

– Мама, а сестра?..

Она ударила его по щеке. Несильно, но зло.

– У тебя нет сестры.

Взяла детей за руки, пошла прочь.

Гу Дзинь подумал, что она обернется.

Не обернулась. Только подняла ладонь к губам, прикусила пальцы и пошла дальше – быстро, почти бегом, пока ноги ее еще слушались. Под мостом все молчали, стараясь на нее не смотреть.

Девочка на руках настоящего снова захныкала.

Он уносил ребенка, зная, что к рассвету у нее будет другое имя и своя колыбель. И смерть тоже будет чужая. Она уже взяла след.

1. Чаша, которая была полной

«Тридцать спиц сходятся к ступице. В пустоте между ними – суть колеса» Лао-цзы, «Дао-Дэ Цзин»

Из протокола Коллегии Печатей, дело № 47/ЮНБ-ХЭ – «Инцидент Моста Тихой Воды». При противоречивых командах... (вымарано). «Колокол разрыва» не действует при двуголосье (нет единого держателя печати). Рекомендовано: Указ о Единогласии. Контрмеры: монохромная лампа, колокол резонанса, соль, холодные браслеты.

В камере Канцелярии прохладно и сыро. На каменном полу отсыпан круг дорожкой из соли, а над столом, где чайник дышит паром, горит монохромная лампа, выслеживая лишние тени. На стуле сидит девушка.

На ней льняные штаны и рубаха с разорванным воротом, обнажившим ключицы. Ноги босые, ступни стоят прямо на соли, рассыпанной горстями по полу. В спутанных черных волосах застряли частички соломы, слипшаяся прядь прилипла к виску. Запястья стянуты браслетами, которые называют «холодными».

Допрос ведет имперский легат Ян Шо.

Он двигает лампу, направляя свет ей в лицо, но она не зажмурилась, и это, видимо, его настораживает.

– Для протокола. Назовите свое имя.

– Лин... Сюэ, – отвечает она, чуть запнувшись, словно только в последний момент решила не врать.

– Хм... ладно, – записал Ян Шо. – А его? Или ее? Как зовут вашего кхм... спутника?

Он посмотрел ей за спину, словно мог его видеть. Ему ответили двойным голосом – ее и мужским:

– *Мое имя – печать, которую не выдержат твои протоколы. Обывателю довольно знать, что я здесь.*

«Дзинь-дзинь!» – колокольчик резонанса отметил аномалию звоном. Лампа проявила за девушкой еще одну тень – она отстает на полступни от нормальной.

– Что ж... двуголосье... – кивает Ян Шо. – Запрещенный Сумеречный Шов. Регламент покровительства допускает лишь единоличный контроль держателя печати. Двуголосые – вне регламента, следовательно, и вне закона. Признаете?

Легат смотрит на нее, пытаясь считать, что она чувствует. Худое лицо с резкими скулами и упрямым подбородком не выражало эмоций, словно те замерзли внутри. Под глазами темные круги от недосыпа. Пальцы тонкие, длинные, с грязными ногтями.

– Признаю только то, что вода течет вниз, – произносит она уже своим голосом. – Нужно немало усилий, чтобы она текла вверх.

Колокольчик смолкает. Ян Шо чуть склоняет голову, как

собака, услышавшая незнакомое слово. Он не любил, когда не получал прямой ответ на вопрос.

Двуголосая держалась так, словно знала, что ей ничего не грозит. И даже не прятала своего темного духа, стихию которого не смогли опознать.

Но в рапорте желательно бы ее указать. Император интересовался адептами этой еретической школы, а Ян Шо не хотел его злить. Людей всегда страшит непонятное. Одержимые сделали немало хорошего, и если бы не инцидент Моста Тихой Воды...

Поймав в себе эти мысли, легат направил их в более безопасное русло. «Форма давит пустоту» – вот доктрина, на которой держится власть. «Муравьиная нора в дамбе рушит плотину в тысячу чи» – ересь всегда там, где появляется хаос. И мастера полутени его кормят собой.

– Лин Сюэ, после разрыва контракта отправляют на торгу. Думаю, что в вашем случае есть и другой вариант, – сказал Ян Шо, разглядывая ее ключицы и шею.

По характерным шрамам прослеживался эзотерический опыт и непростой жизненный путь. Эти ветвящиеся линии не похожи ни на рубцы, ни на татуировку, выглядя, как порванные от нагрузки стежки.

– Видите только его? – хихикнула девушка, встряхнув волосами. – У меня их десятков, но ни в одном вы не получите то, что так ищете. Я не смогу это дать. По крайней мере сейчас.

– Очень жаль. – Ян Шо поднял руку и устало потер переносицу. – Император многое простил бы за ваши секреты. Мы всё равно их узнаем, но не хотелось бы... крайних мер.

Она усмехнулась, давая понять, что не боится. Никто не вел бы долгих бесед, если бы пыткой можно было развязать ей язык.

Легат покачал головой, признав это как факт. Адепты школы полутеней способны отключать органы чувств. Он присутствовал на одном из подобных допросов, еще когда был писцом. Жертва смеялась над палачом, пока тот срезал с ее лица кожу. Но там была юная, а эта матерая, каких поискать.

Ян Шо поднес к ее шее руку и, осторожно, не нажимая, провел по линии пальцем.

Шрам дрогнул – потемнел и сжался, как пряча. Лин Сюэ не отшатнулась, но обожгла взглядом.

Легат убрал руку, почти физически ощущая опасность. Если перед ним и впрямь Лин Сюэ, холодные браслеты вряд ли смогут ее задержать. А может, нагло взяла себе имя, которому уже сотни лет.

– Так зачем пришли в город? – спросил он. – Вы почти не скрывались.

– Школа полутеней держит у-вэй, – ответила и холодно улыбнулась она.

– И?

– Мы не препятствуем силе, меняя лишь вектор. Раз им-

ператор хочет постигнуть тайну бессмертия, я покажу ему путь...

– А вы ее знаете? – не поверил Ян Шо.

– Надеюсь, что да, раз столько живу.

– Но вариантов узнать ее нет?

– Я не говорила, что буду скрывать. Сказала, что не смогу дать... – напомнила Лин Сюэ. – Это не то, что можно положить в руку. Путь нужно пройти самому.

– Пожалуйста, продолжайте.

– Секрет вечной жизни достаточно прост: «форма кормит пустоту».

– И всё? – Ян Шо нахмурился, обдумывая сомнительную замену «давит» на «кормит». – Императору нужно нечто конкретное: зелье, мантра, предмет. Инструмент, что надежно и быстро сработает. У вас такой есть?

– Дело во времени, а не инструменте, – качнула головой Лин Сюэ. – Духовная практика занимает долгие годы, и на закате жизни уже не успеть.

– Просто скажите что нужно, и ему всё принесут! – привстал со стола Ян Шо.

– Раз постепенный путь не для него, есть метод быстрее. – На губах девушки зазмеилась улыбка. – Не надо карабкаться в гору, спускаться в долину, вновь подниматься. Достаточно пройти по натянутому над бездной канату и не смотреть вниз.

– Вы знаете, где этот канат?

– Им может стать фамильяр особого вида.

– Как у вас? – Ян Шо опасливо посмотрел на двоившуюся под лампой тень. Она словно бросала ей вызов, даже не пытаясь избежать монохромного света. Настолько стойких духов легат еще не встречал.

– Необязательно. Главное, чтобы умел трансформировать ци. Но для этого нужно ему что-то дать. Они любят разное: кровь, страсть, молитву, последний вздох. Надо ли объяснять, что энергия бывает любой?

– Нет. Сразу к сути.

– Дух изначально пуст, ему нужна форма, которую он заполняет тем, что дадут. От содержимого зависит эффект. Наш ум работает так же – что положишь, то и возьмешь.

– Как и чем наполнять? – не удержался Ян Шо от вопроса. Нужно занести четкий ответ в протокол.

– Еще непонятно? Жизнью других.

Лин Сюэ замолчала, видимо, посчитав, что этого хватит. Лицо вернуло себе отстраненность, словно сделала то, зачем к ним пришла.

Легат почувствовал внутри холодок. «Форма кормит пустоту» – не просто искажение привычного смысла. Формула прячет в себе нечто зловещее. Возможно, ценное. И это надо обязательно отметить в докладе.

– Допустим... – От монохромной лампы глаза стали слезиться уже у Ян Шо, заставив потереть переносицу. – Если всё подтвердится, вас наградят. Но хотелось бы знать, где

найти подобного духа.

– В Диких Землях, наверное? – пожала плечами Лин Сюэ.

– В Канцелярии не слышали о таких ничего. Где вы нашли своего?

– *Это я выбрал ее!* – вновь заявил дух двуголосьем. – *А вы присмотритесь к знаку воды!*

– Что этим хотите сказать? – спросил Ян Шо озадаченно, но уже не ее.

Лин Сюэ молчала, и он не стал торопить.

Шрамы на ее шее потемнели, как напитавшись чернилами. Видимо, шел беззвучный для него спор. Вот за это Канцелярия и не любит таких. У них никогда не поймешь, кто ведомый, и с кем лучше всего говорить.

Наконец, Лин Сюэ подняла голову и заявила:

– Мне нечего добавить. Я рассказала всё, что могла.

– Вы недоговариваете, – отметил легат, заметив, как она «подбирает нитку» на вдохе. Это «сдвиг голоса» – второй обертон уходит под кожу. Лин Сюэ не давала духу что-то сказать.

Ян Шо откинул ткань с зеркала, и пар сам потянулся к нему. Если Шов напряжен, в ней проявится тонкий узор – дыхание формы на пустоте. Но сейчас там нет ничего.

– Холод, – кивает легат на браслеты, – заморозит Шов. Вы не продержитесь долго, если не снять.

Ее пальцы немного дрожат, как у музыканта после игры на кунхоу. Монохромная лампа двоит четче; соль под ногами

темнеет, утончая уязвимую тень.

– Лин Сюэ, вы сами осложняете свое положение, – угрожает Ян Шо. – Оно и так непростое. Империя признает только контракты владения. Один дух. Один держатель печати. Когда случается беда, известна ответственность. Двуголосье – угроза нашему праву, выводя вас за рамки статьи.

– Право – любимая маска нашего мира, – хмурится она. – Но контракт с духом вне юрисдикции, а вы насильно рвете его.

Вторая тень дрожит и, как подтверждая ее обвинение, в соседней камере кто-то кричит, срываясь на визг.

– Видите на полвздоха вперед? – спокойно уточняет Ян Шо. – Удобно в дуэли. Запрещенная шпилька Затылка. У нас четвертуют лишь за нее.

– *Запрещено – не значит неправильно, – вновь проявило себя двуголосье. – Неправильно – лишать человека печати, которую давали не вы.*

– Хм... – разочарованно хмыкнул легат, не получив реакции, которую ждал.

Демонстрация Протокола Разрыва не произвела на них впечатления. Вызванный насильно Оскол изгонял духа и грозил владельцу безумием, но эта парочка почему-то не боялась его. Государственная Коллегия Печатей готовила заклинание сложно и долго. Вплетенное в артефакт стоило оно баснословно, а в соседней камере только что спалили одно.

Легат поставил чашку на зеркало, но пар упрямо не соби-

рался на пластине в узор. Чтобы браслеты сработали, понадобится несколько дней.

– Двуголосая, предложение следующее: вы помогаете найти и подчинить этого «особого духа». Как только убедимся, что нас не обманывают, получите императорскую печать покровительства и спокойно работаете – контролируемо, легально, без лишних рисков.

* * *

Кожа под браслетами начинает чесаться, а нити звенеть. Лин Сюэ устало закрывает глаза. Хочется сплести из тени «Петлю Камыша» и затянуть на шее легата. Жаль, что нельзя. Он педантичен, исполнительен, и всё запишет, не исказив ее слов. Но и своих не добавит, чтобы играть самому.

– Я видела, что люди падали, как пустые мешки. Полутени не доверяют тем, кто использует протоколы разрыва, – покачала она головой. – Даже «для безопасности», как вы говорите.

– Регламент существует не для благополучия духов, а для контроля последствий, – напомнил Ян Шо.

– Их бы и не было, если...

– Хватит! – поморщившись, обрывает легат. – Это – порядок, а вы – аномалия. Еще соли на тень!

Последние слова обращены уже к стражнику, что стоит у двери. Тот переворачивает мешочек, высыпая на пол кре-

стом.

Лин Сюэ смеется – мягко, чтобы не напрягать Горло, и снова закрывает глаза.

«Лик мой – голос твой» – произносит не звуком, а только дыханием, которое не слышит Ян Шо.

Но он его чувствует и напрягается. Косится на колокольчик, но тот будто кричит тишиной. Лампа жалит пол светом, но видит одну тень, хотя должна две.

– Может, пора? – спрашивает беззвучно голос внутри.

Тело помнит, что делать, когда разум торгуется. Собравшись, Лин Сюэ вдыхает чуть глубже обычного, до живота. А на выдохе добавляет неслышно:

«Пятка помнит ночь».

Первый якорь – свой темный двойник на залитом маслом полу. Второй – тень стражника. Он не знает, что она стала мостом. Третий – пар, что клубится на зеркале.

Мир сужается щелью. Полоса света ломается. Соль кусает подошвы и шипит на полу.

Силуэт Лин Сюэ вытягивается за своей тенью к двери, размываясь в пятно. Цена Пяток дала о себе знать: тошнота подступает, на виске бьется жилка, в ушах тонкий звон.

Браслеты не останавливают, но сильно мешают. Кожа липнет к железу, и они леденеют, ломая на запястьях канал.

Лин Сюэ ощущает нестерпимый зуд в пальцах. Соль, как раскаленные угли, рассыпанные у нее под ногами. Поднимается паника, и возникает желание себя подтолкнуть, выско-

читать из петли через любую из шпилек, какая откликнется.

– *Не трогай третью!* – почти кричит тень. – *Пусть несет пустота.*

– Знаю, – огрызается сквозь зубы Лин Сюэ.

– *Нет. Ты не знаешь. Вспоминаешь, когда лопнет стежок.*

Он, разумеется, прав. Свои шрамы Лин Сюэ заработала, нарушая главную заповедь: не больше трех! Даосский «слабый стежок». Две шпильки – видишь. Три – горишь. Четыре – рвешься. А потом получаешь Оскол.

Стражник взмахивает мечом, но Затылок активен, и «Тишина видит» уводит из-под клинка за полвздоха. Сталь лишь царапает спину. Боль – короткая, острая, честная, словно говорит: «ты еще здесь».

Лампа слепит. Тени пляшут, как рыбки, выброшенные на берег приливом. Соль – жгучий снег под ногами, разлетается белыми брызгами.

«Куда? Держать!» – слышны, как издалека, вопли легата.

Он вскакивает и невольно опрокидывает полную чашу. Масло льется на соль. Лужица дает еще один якорь.

Получив этот подарок, тень выпархивает прямо сквозь дверь в коридор. Воздух здесь холоднее, стены пропитаны влагой, как губка. В свете факелов они чуть блестят, и каждый блик стал ступенькой. Призрачный силуэт прыгает по ним, как цапля по камням в ручье.

– *«Стоп-нить»!* – напоминает вновь дух. – *У тебя уже*

три!

– Нет, – шепчет Лин Сюэ, открывая шире глаза. Нить как струна, и браслеты ломаются, возвращая поток крови в онемевшие руки. – Еще нет.

Навстречу бегут стражники, отбрасывая длинные тени, давая опору для новых скачков. Нельзя брать Ладони. Нельзя брать и Сердце. Оно точно убьет.

Коридор, загибаясь, уходит влево. Здесь открытая дверь, за ней высокий внутренний двор и небо квадратом. Там слышали крики и стоят с арбалетами. Доспехи, начищенные до зеркального блеска, как красная дорожка к воротам.

Увидев ее, Лин Сюэ улыбается. Глупцы проложили ей путь. Думают, что она убегает. На самом деле – уходит. Это разные вещи.

– *Не толкай лодку, если течение ведет к переправе,* – комментирует тень.

– Лин Сюэ, вы не сможете от нас бегать вечно! – эхом отражается от стен голос Ян Шо. Он не дает команду стрелять. – Ну зачем? Император даст всё!

– Никто не может купить пустоту... – шепчет она.

Раскинув руки, ведьма делает то, чего нет в протоколах: снимает усилие и, перемещаясь по бликам, входит в поток, позволяя себя унести. Ее выбрасывает далеко за ворота, как рыбу из сети, и кувыркком приземляет на заднем крыльце у чайной.

Здесь пахнет жиром, дымом и рыбой. Ведро с помоями

летит в сторону, кошка бросается в ноги. Полная женщина испуганно вскрикивает и оседает на пол.

Первый вдох – боль. Желудок сводит, в глазах выются мушки. Сглотнув, Лин Сюэ давит спазм в горле. Гул в ушах понемногу стихает.

– *Беги*, – советует шепот.

– Куда? – выдыхает она, потирая коленки.

– За переулком. В зеленой засаленной куртке.

Лин Сюэ бежит, наступая на тени, и останавливается за ближайшим углом. Там мальчишка играет зеркальцем, пуская в окно солнечный зайчик.

– Отдай его мне, – просит Лин Сюэ тихо.

Парнишка сморщил нос, но зеркальце ей протянул.

– С утра тут торчу. Тетка сказала, к полудню не придешь, можно домой.

– Я пришла.

– *Спасибо, мальш*, – добавил дух. Голос раздвоился, второй скрипнул из-под первого.

Парнишка вздрогнул. Лицо у него побелело, зеркальце едва не выскользнуло из пальцев. Потом он рванул за угол.

Топот быстро стих.

– Детей пугать нехорошо, – сказала Лин Сюэ.

– *Я не пугал, а поблагодарил, как человек.*

– Ты никогда им не будешь.

– *Как знать?*

Она поднесла зеркальце ко рту и лизнула. Потом ногтем

вывела на обороте знак воды – кривой, с заусенцем у нижней черты. Поднялась на носки, зацепила шнурок за выступ в кладке.

Зеркальце повисло у стены. Тот, кто ищет, заметит.

Лин Сюэ вышла на оживленную улицу и растворилась в базарной толпе. Черты ее лица изменились. Пустота не связана формой – уже не найдут.

* * *

Через четверть часа солдаты прочесали улицы возле чайханы.

Ян Шо выслушал свидетелей. Потом сам обошел перекресток, заглянул под навес, в щель между лавками. Монохромная лампа в его руке меняла оттенок. То синела, то уходила в грязную зелень.

Легат посмотрел на нее, потом на лужу помоев у сапог, на взъерошенную кошку под телегой. Та припала к земле, шерсть на хребте стояла дыбом. Ян Шо прислушался.

– Сумеречный Шов, – сказал он. Голос не изменился. – Ввести протокол «Аномалия резонанса». Базар, рыбный ряд. Лавки проверить, подвалы. Соль рассыпать широко. В патрули выдать монохромные лампы.

– Слушаюсь! – помощник вытянулся, каблуки щелкнули по мокрому камню.

Ян Шо прищурился и отступил на шаг. Поднял взгляд.

На стене темнел отпечаток ладони. Будто ладонь приложили с той стороны.

– Что там? – спросил помощник.

Солдат уже потянулся к стене.

– Не трогать, – легат остановил его рукой. – Поставить наблюдение. Людей не пугать. Никого не хватать.

Тот замер, пальцы так и остались в воздухе.

«Форма давит пустоту» – повторил Ян Шо про себя и посмотрел на ладонь.

Или пустота форму?

Все эти протоколы, регламенты лишь для нормальных людей. Когда ведьма ходит по отражениям, гоняться за ней бесполезно.

– Еще, – сказал легат, не оборачиваясь. – Никому ни слова. Ясно?

Помощник сглотнул. Кивнул быстро, по-строевому.

Но всё равно донесет. Ян Шо был в этом уверен.

2. Ласточка в соли

*«Птица поёт в клетке, думая, что в лесу» –
буддийская притча.*

– Говорят, так орали, что соль закипела, – шепнула торговка лапшой постоянной клиентке. – А девка в зеркало шмыгнула, как рыбешка в ручей.

В караульной старший десятник прошелся вдоль лавок.

– Никого не задерживать. Только смотреть, – повторил он своим. – Карты убрать. Кто зевнет, дам в руки метлу.

Мальчишка-посыльный поставил на стол горшочек с обедом.

– У чайханы режутся в маджонг сыскари! – выпалил он и прыснул в кулак.

Подмастерье наклонился к девице у прилавка:

– Колокольчик молчал. Понимаешь? Двуголосье. Нет от него амулетов. Как и супротив нашей любви.

К вечеру слухи пересказывали даже у храма. Там ведьма сперва стала тенью, потом отражением, а затем и вовсе ушла в чашу с чаем. Каждый добавлял что-то свое.

– Двуголосье, – сказал старый монах мирянину, сложив пальцы в защитную мудру. – Ересь нынче везде.

Младший писец стряхнул с кисти капельку туши.

– Говорят, на Террасах будет Сын Неба, – шепчет друго-

му. – За Дом Ло выходит юный наследник, а не мастер Хэ. Еще недавно этот род практиковал полутень. Смекаешь, куда всё идет?

Квартал знати. За стеной с персиковым садом и галереей стоит дом. Зеркала в нем прикрыты тканью. Во внутреннем дворе к дуэли готовится юноша – наследник Ло Мин.

По углам чаши с водой. На стене плита с гравировкой священных узлов родовой клятвы. На коже аристократа блестят капельки пота. Пахнет сандаловым маслом.

– Внимание, – холодно произносит Ло Мин. – По счету.

Из-за камфорного дерева поднялось нечто вытянутое. Гибкое, как кисть в туши.

Фамильяр рода Ло, Тень-Журавль. Голова маленькая. Крылья сложены. Шея длинная, изогнутая. Узор контрактной печати светит на ней серебром.

– Раз.

Тень едва коснулась клювом краешка чаши, и вода помутнела.

– Два.

Крыло прошуршало по песку, оставив на нем длинный след.

– Три.

Сухой щелчок клюва – и влажный воздух стал словно плотнее.

– Довольно, – приказал Ло Мин, и Тень-Журавль сложилась, послушно вернувшись к стопам, как собака.

Он юн и силен. Тот самый возраст, когда тени послушны, а грубых ошибок не успел еще сделать. Ло Мин был уверен, что их и не будет, считая, что понял, как всё устроено, постигнув природу вещей. Порядок, как настроенный хорошо инструмент: касание – правильный тон. И мир откликался ему без лишнего шума.

– Господин, – вошел и поклонился Сюй Тан, сенешаль дома Ло. Тонкие черты лица, руки прячутся в длинных рукавах, внимательный взгляд. – Новые слухи из нижних кварталов.

– Значит, о них знают все, – отмахнулся Ло Мин. – Что там опять? Кошке наместника наступили на хвост?

– Двуголосая в городе. Ее поймали, но она убежала.

– Так им и надо? – улыбнулся Ло Мин краешком губ.

– Новый имперский легат очень зол, господин.

– Что, подвели протоколы разрыва?

– Мой источник клянется, что это была сама Лин Сюэ.

– Что в этом такого? Их полно на ярмарке или в синих домах.

– Возможно, это уже настоящая, – возразил Сюй Тан тихо. – Девушка прошла сквозь толпу арбалетчиков через блики брони прямо в холодных браслетах. Лампа и соль были бессильны.

– Вранье! – с уверенностью, присущей юному возрасту, сделал Ло Мин заключение.

– Почему, господин?

– Металл под монохромом как мертвый: без теплого света отражение останется плоским. А как же войти, если нет глубины? Быть такого не может!

– О, вы гораздо учёней меня, господин! – поклонился Сюй Тан, пряча улыбку.

– Не смейся, пройдоха. – Ло Мин подхватил копье и взвесил в ладони. – Что ей у нас в глуши делать?

– Протоколы Канцелярии плохо работают против полутеней. Их духи разумны и не совсем фамилльяры. И как вы знаете, ваши предки умели заключать с ними контракт. Более того...

– Это лишь слухи, – раздраженно перебил юноша, – которые разносят наши враги! Дом Ло не имеет ничего общего с этой еретической школой.

– Как скажете, господин, – вновь поклонился ему сене-шаль.

Ло Мин едва удержался, чтобы не отчитать его строже, но Сюй Тан был не просто слугой. Он служил еще деду и, возможно, сам владел этим темным искусством, несмотря на запреты.

– Я видел паланкин у ворот. Кто это был? – Ло Мин предпочел сменить тему.

– Простите. Я не решился вас беспокоить. Бай прислали предложение через мастера Гу Дзиня из Серых.

– Мне не нужны их подачки!

– Я так и думал, – кивнул согласно Сюй Тан. – Они хотят

решить дело миром. Оплатят наши долги, если уступим права на Фэнсуй без дуэли.

– Потому что бояться! – фыркнул презрительно юноша. – Знают, что Водораздел победит. Но в доме Ло не торгуются честью.

– Я так и сказал. Но... – замялся Сюй Тан.

– Что?

– Объективно они всё же сильнее. Не на арене, конечно. А влиянием, экономикой, связями. Далеко не все решится в бою. Их люди скупают соль – всё подчистую, любого помола.

– Соль? – усмехнулся Ло Мин. – Пусть. На Нефритовые Террасы выносят имена наших домов, а не списки закупок.

– Имя легче ранить, мой господин, – вежливо возразил сенешаль. – Торговля любит не шум, а уверенность. наших купцов обложили расписками.

– И всё же, – юноша покрутил кистью древко, – дуэль не на рынке.

Сюй Тан снова кивнул – и задержал взгляд на чаше, где зеркало воды тревожила легкая рябь.

– И ещё, господин...

Он подал сложенную вчетверо записку. На рисовой бумаге – каллиграфический почерк: *«Канцелярия запросила список всего, где присутствует или упоминаются знаки воды»*.

– Зачем? – поскреб подбородок Ло Мин. – Они здесь везде!

– Пока непонятно. Мы всегда платим, поэтому узнаем но-

вости первыми, – с нотками наставления в голосе пояснил сенешаль.

– Каков твой совет? – Ло Мин подбросил копье, развернулся на пятке, рисуясь, и эффектно поймал.

– Возможно, этот Гу Дзинь приходит протянуть через наши воды мосты. Надо укрепить охранный массив. Пусть везде будет влажно.

– Так и сделай, – приказал Ло Мин и мельницей раскрутил копье над собой.

Сюй Тан поклонился. В этом движении угадывалось обычное для него раздражение, когда наследник не пытался вникнуть в детали. Он слишком уверен в себе. Но истинная сила не в копье и не в храбрости.

Когда сенешаль сделал шаг, в чаше рядом стали расходиться круги, и край рукава едва тронул воду. Рябь не разбежалась, а легла тонким швом и застыла у дна.

Последнее время охранный массив вел себя странно, требуя всё более тонкой настройки.

– Еще раз, – сказал Ло Мин.

Сюй Тана он не проводил даже кивком. Краем глаза заметил, как тот задержался у чаши. В голове одна связка: четвертый удар. Шестой. Провал на восьмом.

Тень-Журавль поднялась.

Юноша шагнул в атаку, начал девять движений. Короче, злее, чем на прошлом круге. Копье на четвертом ударе встало, не дойдя до черного клюва на волос. К восьмому захру-

стели пальцы, перехват на древке ушел высоко. На девятом ошибся на шаг.

Журавль чиркнула клювом перед лицом.

Могла пробить горло. Не стала.

Ло Мин выпрямился. Кожа саднила, будто задела его.

Войти в связку на шаг раньше. И пусть не щадит.

– Повторим, – сказал он.

С края галереи кашлянули. Так кашляют, когда ошибка не в том.

Мастер Хэ.

Он учил его боевому искусству с трех лет.

Мин поклонился. На лице улыбка, в глазах раздражение.

– Господин, – мягко сказал старик. – Пустая ладонь держит лучше и бьет дальше.

– Сегодня она держит ветер, учитель.

Тот понимающе кивнул, но продолжал гнуть свое:

– Сожмешь крепко, вода уходит меж пальцев, господин. Узел можно держать, а можно и нет. На Террасах вам решать, что выйдет дороже.

Ло Мин молча взмахнул копьем и пошел в связку, намеренно игнорируя этот совет. На шестом ударе закружилась голова – слишком много резких вдохов; на седьмом свело запястье – нитка канала обледенела неправильным хватом; на восьмом Тень-Журавль вдруг пропала. Ее тень чуть отстала, и юноша выругался, закончив связку с ошибкой.

Фамильяр медленно опустила голову. Она его сейчас буд-

то жалела, что хуже, чем если бы просто исчезла.

Старик Хэ достал из кармана кольцо и молча подвесил его на веревке. Потом легко потряс ветку, и оно плавно развернулось по ветру.

Движение выглядело естественно и гармонично, не требуя усилить или что-то исправить. В нем нет победы. Лишь пустота, если всё отпустить.

– Не руками держат равновесие, мой господин. Им дышат, – произнес едва слышно старик и так же тихо ушел в коридор галереи.

– Господин! – раздался из нее уже женский голос. – К вам пришли сестры.

Позади тоненько тьякнули, и двор наполнило шуршанием шелка. Из галереи вышли две девочки. Старшая – Ло Инь, высокая, статная, обмахивалась веером с вышитым золотой нитью драконом. Младшая, похожая на куклу, Ло Цин, держала в ладонях бумажную ласточку. За ними – дородная нянька и собачка на коротеньких лапках.

Ло Инь выглядела как знатная дама благородного дома: прямая осанка, шаги мелкие и потому незаметные, словно не шла, а плыла по воздуху, не касаясь земли. Строгий взгляд, холодная сосредоточенность, но в глубине темных глаз угадывалась шальная искра, что прорывалась через напускную серьезность. Синий веер щелкал, как складной ножик, словно в ее руках ему было тесно.

Мин невольно опустил взгляд, и по губам Ло Инь скольз-

нула улыбка. Она умела и любила вгонять его в краску, зная, почему он отводит глаза. Но никому об этом не скажет.

Ло Цин, напротив, казалась воплощением всех правил приличий, хотя была еще только ребенком. Тихая и вежливая, она несла бумажную ласточку с милой серьезностью, будто это настоящая птица. Время от времени девочка бросала быстрый взгляд на сестру, словно проверяла, как та себя держит.

– Братец, – произнесла негромко Ло Инь, – не хотела мешать, но раз Цин попросила...

– Я принесла тебе ласточку, – выпалила та, протягивая ему бумажную птицу. – Она ведь подходит к твоему журавлю? Пожалуйста, возьми ее с собой на Террасы.

Нянька поморщилась, словно ребенок ляпнул глупость, но прервать не решилась.

Ло Мин невольно улыбнулся краешком губ. Тень-Журавль, что-то поняв, чуть наклонила голову, показав интерес. Налетел порыв ветра, кольцо вновь развернулось, и ласточка едва не вспорхнула с ладони.

– Я не проиграю, – пообещал Ло Мин. Опустив копье, он постарался успокоить девочек взглядом.

– Ты знаешь, что будет, если это случится... – напомнила тихо Ло Инь и нервно сглотнула. – Всё уйдет под чужой щит. А дом Ло...

– Этого не случится, – повторил он, беря у Ло Цин бумажную ласточку. – Поверь, на Нефритовых Террасах наше имя

прозвучит под гром барабанов.

Взяв щепотку соли, Ло Мин немного насыпал на крылья. Легонько дунул, вложив капельку ци, и вернул ласточку. Она стала блестеть от прилипших кристалликов.

Простой фокус и озорство, но Ло Цин восхищенно взглянула на него снизу вверх. Трюк ей понравился.

– О-о! – выдохнула она и оглянулась на няньку.

– Подвешенный язычок, братик, – Ло Инь сделала паузу, – в дуэли не поможет. Упадешь, и мы...

Нянька кашлянула.

Сестры откланялись, но на пороге Ло Цин обернулась и сложила пальцы сердечком.

Тишина вернулась с порывами ветра, и бамбуковое кольцо вновь качнувшись, упало.

Мин взял копье и поймал себя на том, что думает о беседке в саду и запахе персиков. И о Ло Инь. Но тут же прогнал эту мысль, как делал всегда. Ему нельзя думать об этом.

Он возобновил тренировку и остановился, когда вернулся Сюй Тан с перечнем трат. В нем безжалостно аккуратные строчки: продукты, вино, материалы по ведомости срочных поставок. Денег у Ло оставалось всё меньше.

– Вода и зеркала для массива расставлены. Еще с десятков стоит в галерее, – доложил он.

– Этого хватит? – спросил смущенно Ло Мин. Усиленная охрана стоила дорого.

– Заставь отражать звёзды, даже дух усомнится, где

небо, – заверил Сюй Тан.

Взгляд его задержался на чаше. На дне еще держался тонкий шов ряби.

– Кхм... – кашлянул Лю Мин и жестом отпустил сенешаля. Принял, мол, к сведению.

После чего аккуратно поставил в оружейную стойку копье и ушел, дав себе время на отдых.

Выйдя из тени, мастер Хэ долго смотрел ему вслед. Потом, тяжело вздохнув, поднял с земли бамбуковое кольцо и повесил обратно на ветку. Молча, как вешают поминальный фонарь по усопшим.

* * *

Интерлюдия: Двор

Закашлявшись, Сын Неба вытирает рукавом губы и задумчиво смотрит в окно, за которым ласточка лепила гнездо – умело и методично склеивала грязь кусок за кусочком. Он осторожно переводит дыхание, как человек, что боится сорвать корку на ране, но грудь изнутри снова сжимает.

«Время не терпит» – думает он, слушая, как пульсирует кровь. Люди шепчутся, что ему недолго осталось. Эти слухи не прекратить высочайшим указом, как нельзя запретить ветру шевелить листья в саду. Можно лишь какие сорвать, а какие оставить.

На столе перед ним сразу три свитка. Первый – список благородных домов-претендентов и спорных земель на покровительство. Второй – рапорт легата. Третий предстояло заполнить. Нужно решение, а пустота не терпит длительных пауз: не впишешь свое – впишет чужое.

– Двуголосая... – проворчал император. – У Канцелярии Печатей есть протоколы! Как ее упустили?

– Вряд ли ошибка, Ваше Величество, – произнес, не поднимая головы от пола, старший евнух. Это был сухой старик с лицом, напоминающим высохшую на солнце грушу. – Ведьма могла сбежать молча, но в рапорте отмечена фраза ее вторым голосом.

Сын Неба приподнял бровь.

– «Присмотритесь к знаку воды»? Присмотреться...

Он вновь перевел взгляд за окно. Ласточка почти там закончила. Вот бы ему так ловко управиться.

– Значит, эта...

– Лин Сюэ, – подсказал евнух. – Та самая.

– Эта Лин Сюэ расставила фигуры и сделала ход. И ждет, когда мы как-то ответим.

Император снова закашлялся, и ему тотчас подали чашу с лекарством. Небо отвело не так много времени, и напоминало об этом каждое утро. И дало призрачный шанс, когда удача, наконец, улыбнулась.

Ведьма подсказала, но ничего не просила. Легко поймала, легко убежала. Не угрожала и почему-то сама поделилась секретом. Но там только часть, что была лишь авансом.

Где взять такого «особого» духа? Фамильяры, которые дают себя приручить, – это тотемы животных. Есть надежда, что Лин Сюэ расскажет, если сделать то, что ей, видимо, нужно.

Что можно сделать со знаком воды? Как именно к нему «присмотреться»?

Сын Неба взял в руки свиток и провел пальцем по списку домов, остановившись на «Ло». Вот уж где каналы, отражения, влажность. А главное – тень старых клятв, от которых официально там отреклись. Но кровь не вода, и всё всегда помнит. Возможно, там свои какие-то счеты.

– Эта ведьма от нас что-то хочет. Если оставить как есть,

кто возьмет вверх на дуэли? – спросил император, надеясь, что понял ее предложение правильно.

– Бай Жэнь – умелый боец, но Ло Мин всё же сильнее, – осторожно предположил евнух, понимая, чего может стоить ошибка.

Император вновь повернулся к окну. Ласточка исчезла, и это почему-то показалось ему плохим знаком. Он всё слабее, и гарем обрастал слухами, как рыба чешуей. Птицы улетают, а люди остаются со своими долгами и страхами.

– Тогда изменим узоры, – пришел он к однозначному выводу. – Если исход предсказуем, зачем нам подсказка?

– Лин Сюэ толкает на действие, – поддакнул евнух, видя, что повелитель уже принял решение.

– Пожалуй, это единственная дверь, которую для нас открыли, – соглашаясь, кивнул ему тот. – Я, конечно, войду, но будет ли нам от этого польза?

Он снова закашлялся и сделал глоток. Кисточки на навесах за окном шевельнулись, и тень от резного карниза стала похожа на одобрителный жест чей-то ладони.

Император поморщился. Он не любил совпадений.

– Осмелюсь заметить пользу для всех, если на этом отрезке пути вдруг сошлись, – вкрадчиво предположил старший евнух. – Дом Бай обещал собирать вдвое больше налогов, а долги Ло огромны. Кроме того, я нашел сведения, что в их роду люди уходят... порой очень странно.

– Что ты имеешь в виду?

– В старых регистрах Коллегии хранятся заметки, которые вслух не читают. Умирая, Ло слишком... цеплялись за жизнь... в любой форме. Их провожали особым ритуалом, которые проводят лишь безумные йогины из Диких Земель. Ходят слухи, что раньше все Ло пили кровь. Отец и мать Ло Мина решили покончить с ужасной практикой этого рода, но странно умерли. Их дети могут невольно наследовать связь.

Вздрогнув, император посмотрел на него так, словно впервые увидел.

Молчание затянулось. За окном ветер качнул ветви, спугнув ласточку.

– Хочешь сказать, они могут быть нам полезны?

Евнуху хватило ума не подтвердить это прямо. Он лишь чуть сильнее сложил ладони:

– В архиве есть непроверенные свидетельства, которые утверждают, что мертвые Ло могут стать... демоном. Он будет служить, если поймать его вовремя. Не о таком ли говорила сама Лин Сюэ?

Поймав его взгляд, император задумался.

Глубоко в груди зрел страх. Времени мало. Карма вернет долг уже скоро, и казненные им будут рвать его тело зубами.

Кашлянув, он взял в руку кисть. Над чистым свитком она замерла, будто давала шанс передумать. Потом дотронулась до бумаги, как нож касается горла.

Евнух замер, но выдохнул, увидев иероглиф. Практичные кормят власть золотом, а слова – деньги болтливых.

– Канцелярии Печатей, – сказали ему негромко и твердо, – встретить судью из Коллегии с правом разрыва контракта. Выступающий гвоздь забивают.

Евнух понял: снять имя чисто, без звука. Что поднимется, когда оно упадет, на то и поставить.

Пятясь, он поклонился и вышел за двери.

Оставшись один, Сын Неба посмотрел снова в окно.

Ласточки нет. На стене грязный след, гнездо отвалилось. Но упрямая птица опять поднялась в небо и чертила круги, выбирая новое место.

А в Фэнсуе юноша всё еще крутит копье, не зная, чей иероглиф начертан на свитке.

3. Роса на струнах

«Берегись друга дома, а не врага за воротами» – народная пословица.

В день перед дуэлью внутренний двор особняка Ло выглядел так, словно готовился к долгой осаде. Под колоннадой поставили медные зеркала. Ученики младших линий таскали ведра с водой. Ее плескали на камни, чтобы поддерживать влажность. Старшие обводили тушью глаза – техника «Смотрящих зрачков». Все бубнили защитные мантры.

Предосторожности оправданы горьким опытом тех, кто относился к ним легкомысленно. Далеко не все кланы блюли кодекс чести. Даже лучший охранный массив мог подвести, когда подается заявка на сезон покровительства.

В каждом уезде благородные дома объявляли обеты: что обещают этой земле. Жители слушали и выбирали своего господина. Если не получалось, решалось дуэлью – имя бьет-ся об имя.

Последние годы Фэнсуй оставался за домом Ло. Он, как считали в народе, справлялся неплохо: дикие духи обходили границы, как волки – флажки. Но налогов собирал слишком мало.

«Берегись друга дома, а не врага за воротами», – говорили в народе.

В этом сезоне дом Бай бросил им вызов. Защищать честь рода должен Ло Мин. Мастер Хэ уже слишком стар для дуэли.

И потому Ло Мин тренировался до дрожи в руках. Арена не пустела с рассвета, а в глубине глаз стояла усталость, которую старался прятать от всех. Враг был силен не в открытом бою, а в интригах, до которых дом Ло опуститься не мог. Первый удар уже нанесен: Бай монополизировали торговлю солью в Фэнсуе.

Дефицит и взлетевшие цены злили людей. Накануне дуэли нервы натянуты, как струны гуцинь. Город полон слухов, что власть скоро сменится. Ло Мин ловил на себе вопрошительный взгляд своих слуг: хватит ли наследнику сил и способностей?

Он ловил себя на том, что стал подозрителен, придираясь к тому, чего раньше бы не заметил. Сейчас привлекало внимание всё, что могло быть следствием подкупа и саботажа.

Вот, например, зеркало в галерее. Поверхность блестела, а отражение плоское, точно рисунок.

Ло Мин коснулся стекла – на подушечке пальца осталась серая пыль.

Зольная тряпка. Кто-то из слуг натер ею «для блеска». И то же со всеми зеркалами во внутреннем дворе, где проводил тренировки.

Случайность, неопытность или злой умысел? Даже такая, казалось бы, мелочь собьет концентрацию. Школа Водораз-

дела опирается на контроль течения ци, но в него можно внести искажения, если знать, как это устроить.

Покачав головой, Ло Мин прошел в зал для отдыха и нашел еще несколько признаков.

Приятные, но незнакомые запахи благовоний. Чаши, в которых обычно ополаскивал руки, стояли на четверть шага дальше.

Он наклонился над одной, зачерпнул ладонью и поморщился. Стоячая вода ломала сеть отражений. Мертвую воду в дом не приносят.

Это уже не пустяк. Сбой мышечной памяти сразу не заметишь. Движение будет другим и не поймешь, где ошибка.

Он выпрямился и окинул двор взглядом. «Когда линии сходятся слишком правильно – это рисунок, а не случайность», – говаривал старик Хэ. Но искать накануне дуэли виновных будет выглядеть срывом. Люди должны видеть, что наследник спокоен.

Враг чувствует слабость, как волки кровь. Ошибаться нельзя. Иначе имя дома на плитах Террасы станет просто строкой без дыхания.

Ло Мин взял копье и встал в стойку, подстраиваясь под окружение, где ци текла уже чуть по-другому.

Он победит. Если в нем не будет уверенности, она погаснет у близких. Слуги станут шептаться, арендаторы перевяжут узлы не твоим уже знаком, а в глазах стражи пропадет уважение.

Измотав себя на арене, Ло Мин вышел в сад отдохнуть. Посмотрев на мокрый мох и влажные камни, подумал: «Мы льем на них... но роса и туман возникают без усилий – спонтанно и сами собой...»

Вода осталась безмолвной, причудливо кривя отражение, а в уме рассмеялся голос Сюй Тана:

«Ло всегда думали слишком красиво. Именно поэтому мне приходится думать некрасиво за вас».

Юноша почти улыбнулся. Ему хорошо знаком этот смех – без злобы, но с интонацией, которая говорила: «ты знаешь, что это так». Сюй Тан умел быть правым, когда это больше всего раздражало. Наверное, поэтому в минуту сомнений слышит его, а не мастера Хэ. Сенешаль знает слабые места дома Ло, потому что их сам и латает. Удивительно, что человек такого ума верно служит ему столько лет.

Ло Мин вернулся к тренировке. Принял стойку, но вода в чаше дрогнула. Тень-Журавль остановилась и замерла, вытянув шею, как показывая, куда надо смотреть. Охранный массив не поднял тревоги, но дух более чуток к чужим.

– Мастер, – негромко позвал Ло Мин, зная, что учитель слышит его. – У нас, кажется, гость.

Из тени колоннады раздалось шарканье ног, а потом и мерный стук клюшки. Старик Хэ никогда не спешил, но, как ни странно, всегда успевал.

– Вода терпелива, а ты любишься блеском, не видя природы вещей, – проворчал тихо тот.

«Нашел время!» – мелькнула раздраженная мысль. Старик слыл чудачком, но ставки слишком велики для нотаций. Но вслух возмутиться Ло Мин не успел.

Между пролетов словно вздохнуло пространство. В тот же миг тончайшие полосы пересекли ночной двор. Их выдал лишь звук – тихий, как щелкнувший за колонной сверчок.

Тень-Журавль подняла и резко опустила шею, клюнув воздух рядом с Ло Мином. Он инстинктивно отшатнулся, ставя копьё под углом. Нечто невидимое хлестнуло по древку, и лак на нем треснул.

– К страже! – скомандовал мастер, отступая на шаг.

– Нет. – Ло Мин взял обратным хватом копьё. – Бегать не буду. Это мой дом.

Сердце билось подозрительно ровно, словно не восприняв угрозу всерьёз. Кто бы то ни был, он уже лишен главного, раз обнаружил себя раньше, чем может убить. Старик Хэ не упустит возможность дать новый урок, хотя риск, что он станет последним, разумеется, есть.

Техника «Водораздела», которой учили Ло Мина, строилась на оси и границе: стоять в узлах энергии ци, отворачивая ее рукава. Девять связок копья – от «Клюв режет Луну» до «Крыло ловит ветер» – должны не бить, а вести, и Тень-Журавль служила для них второй осью.

Ло Мин выбрал мягкую стойку: выровненная спина, колени пружинят, руки собирают, а не тянут к себе.

Еще одна белёсая линия прошла между чашами беззвучно

и тонко.

Нити. Значит, не Бай. Или там умеют больше, чем знают о них.

Только сейчас Ло Мин увидел в углу человека, сливавшегося там с темнотой.

Тот дернул запястьем, как музыкант, берущий резкую ноту. Вода в чашах отозвалась длинной рябью, и в тот же миг Тень-Журавль пригнула голову – струна прошла над шейной дугой.

Если виден поток, отвернуть уже легче, но эта техника убирала опору, чтобы противник упал на нить сам.

– «Клюв режет Луну», – тихо произнес Ло Мин, опуская копьё.

Струна разочарованно звякнула, когда острие ее перебило. «Водораздел» так и работал, делая незримое явным, отвернув поток от себя.

Ассасин понял ошибку и бросил в ближайшие чаши щепоть порошка. Вода вспыхнула с тихим шипением и потеряла прозрачность, не дав черпать из отражения силу, что важно для техники Ло.

– Неплохо, – спокойно оценил старик Хэ этот прием. – Держи ось, господин.

Считав по предыдущей связке рисунок, враг потянул вновь – на этот раз прошив пространство у горла. Ло Мин перехватил копьё ниже, садясь на опорную ногу. Нить, скользя, сняла только стружку с древка, но вторую уже подтяну-

ли под голень.

Тень-Журавль развернулась – по диагонали «косым крылом» вниз. Длинная шея опустилась, прижав к полу петлю.

– «Гусь на колоде», – прошептал Ло Мин и, сгибая ось, вложил в удар вес тела.

Контратака на упреждение не удалась. Стена брызнула каменной крошкой, но враг погасил инерцию, как вопреки физике, остановившись на расстоянии пальца от ямки, выбитой в камне копьём. Струна нашла вновь древко – его повело, но хват был уверенно крепким, не дав отвести.

На этот раз она прошла близко. Ло Мин почувствовал чужое дыхание у себя на щеке – холодное, ровное, как у того, кто делал работу, слушая внутренний звук.

Ассасин уверенно провел цепь атак. Вода задрожала, и новые нити ограничили пространство уже с трех сторон. Путь к отступлению еще оставался, но места для него почти нет.

Ло Мин понимал, что большая часть «клетки» могла быть иллюзией. Ему, как любезно подсказали дыру, которая, разумеется, совершенно не там.

– Росу! – скомандовал он.

Тень-Журавль поняла его без мантр и ключей, подобно тому, птица чувствует ветер. Высоко подпрыгнув, она расправила крылья, брызнув водой. Настоящие нити выдали себя блеском, подсказав безопасный выход из них.

А вот фамильяр дома Ло иллюзией не был. Клюв щелкнул раз, второй, третий, лопаая струны одну за другой, как под-

бирая ноты в игре на гуцинь.

Ассасин замешкался – и это стоило ему преимущества. Искерпав запас нитей, он метнул шестеренки. Жужжа, как раздраженные пчелы, они по сложным кривым траекториям чертили пространство, ища свою цель.

«Крыло ловит ветер» – Ло Мин использовал копье как весло, изменив вектор ци.

Струя плотного воздуха увела снаряд в сторону. Второй Тень-Журавль сбила, но третий полоснул по предплечью. Его обожгло болью, и Ло Мин нажал пальцами выше, перекрывая сосуды. С коротким выдохом «сбросил» кровь вниз, выдавив как можно больше из раны.

Стойкий иммунитет к большинству ядов в доме Ло развивали с пеленок, но в любой защите есть свои дыры, а нейтрализовать эффект целиком просто нельзя.

Брошенные на плиты шарики негромко взорвались, подняв дымовую завесу. Видимо, ассасин посчитал, что работа закончена и пора отступить.

Но Тень-Журавль зашипела, втягивая в себя темное облачко. Маскировка исчезла, и застигнутый врасплох враг метался, прижатый к стене.

– Сейчас, – сказал старик Хэ. Голос будто шел с разных сторон, маскируя источники звука.

Ло Мин опустил копье вертикально и, перенеся на него вес, ударил ногами в грудь.

Противник врезался в колонну, сгруппировался и сразу

вскочил. Но этого мгновения хватило, чтобы Тень-Журавль ткнула клювом в правую руку. Неглубоко, но как бы «вынимающая» движение, заставив кисть онеметь.

Ло Мин прыгнул, чтобы добить, но ассасин нырнул под копьём, перехватив кинжал в левую руку. Если бы не Тень-Журавль, вспорол бы живот. Крыло отвело клинок в сторону.

Фамильяр и хозяин двигались, как два конца у копья – один отступал, чтобы дать место атаке другого.

Вскоре в глазах противника появилась растерянность. Его зажали в угол, рука не работала, ресурсы закончились, а путь к отступлению уже был отрезан.

«А-ах!» – ассасин издал пронзительный звук, от которого у Ло Мина скрутило резью желудок. За глазницей стукнуло, колени ослабли.

В очередной раз спасла Тень-Журавль. Ключнув под кадык, она забрала этот вопль, будто крошку у птицы.

Что-то сглотив, убийца выгнулся и забился в агонии. Глаза остекленели, изо рта пошли пузыри, и через несколько секунд жизнь покинула тело.

Ло Мин не почувствовал удовлетворения от этой победы. Только усталость и пустоту там, где должно было прийти облегчение. Но его нет.

– Лекаря мне! – приказал страже он. – Насыпьте новую соль. Смените в чашах воду. Брать лишь живую. Зеркала – протереть. И найдите Сюй Тана!

Накануне судьбоносного дня досадных мелочей слишком много. Кто-то убийце помог. Дом Бай известен умением распускать узоры охранных массивов, не поднимая тревогу, но в школе «Сухого Шелка» не было струн.

– Мастер, теперь мной довольны? – косо посмотрел Ло Мин на него.

– Натянутая нить держит не только того, кого ловит. Она держит и того, кто тянет ее, – как обычно, напустил тумана старик. – Чем сильнее, тем резче звенит в твоих пальцах. Когда тонет в воде, звук исчезает, и лучший ход – отпустить.

Ло Мин кивнул, не найдя что ответить. Смысл подобных речей от него ускользал.

4. Приговор без звука

*«Имя снимают не печатью, а шагом» –
услышано на Нефритовых Террасах.*

Этой ночью город, взбудораженный слухами, затих поздно. Все предвкушали дуэль двух домов. Напряжение разлилось по улицам, точно по венам, и многим не давало уснуть. Где-то до утра пьяно горланили песни, делали ставки, яростно спорили, чье имя завтра выбьют на плитах Террас.

«Ло Мин – ось, что режет реку!» – кричали одни.

«Бай Жэнь ее сломает и высушит, как всегда делал с врагами!» – отвечали другие, заканчивая спор кулаками.

Рассвет пришел с туманом, будто не был уверен, стоит ли открывать этот день. Первый луч просочился сквозь дымку украдкой, сверкнул росой на траве и погас, отрезанный тучкой.

Выдраенный до блеска дом Ло, просыпался тяжело, как после болезни. Люди измотаны ожиданием, спали плохо, а встали рано. Каждому нашлось какое-то дело. Щербины в галерее замазали, но пока не покрасили. Зеркала начистили, чаши наполнили свежей водой, ритуал поклонения предкам провели приглашенные из храма монахи.

Всё ради гармонии. Чтобы ци не застаивалась в углах и текла ровно. Для опознания тело ассасина отдали властям,

но все понимали, что он чужеземец.

В спальне Ло Мина пахло лекарствами. После покушения он не смог сомкнуть глаз, и всю ночь стоял у окна, глядя в сад. Внизу умиротворенно журчала вода, ветки гнулись под тяжестью персиков. Их аромат дразнил нежной спелостью, наводя на мысли, которых стыдился и старался от себя гнать, но другие еще тяжелее.

Они метались в уме, как черные вороны, не давая покоя. Разговор с Сюй Таном получился тяжелым, зато после выволочки слуги работали бесшумно и быстро. Только можно ли ему доверять после того, что случилось?

Ло Мин перебирал детали, будто бусины в четках. Сене-шаль служил так долго и верно, что подозревать его казалось кощунством. Помочь ассасину пройти охранный мас-сив могли только свои. Причем тот, кто хорошо его знал.

Но так подставит себя только глупец. Сюй Тан глупцом не был. Он вел дела, словно разыгрывал партию в го. Без жалости, злобы, с тем особым вниманием, что позволяет считать и видеть ходы дальше, чем остальные. Странно, что с таким умом и способностями не пошел сдавать имперский экзамен. Из него бы получился чиновник высокого ранга, а он управлял домом Ло.

Иногда Ло Мин думал, что Сюй Тан смотрит с неким презрением, словно считая его слабаком.

Подозрения снова больно кольнули. Возможно, частично враг уже достиг своей цели: ум отравлен сомнением, а тело —

ядом. Лекарь не смог его вывести полностью, что, несомненно, скажется на ходе дуэли. Холодный пот и дрожь в коленях могут всё усложнить.

Тревога сжала горло кольцом – не за себя – за сестер. Дрожащий голос Ло Цин, презрительный взгляд Ло Инь – терзали кошмаром. Их продадут, если дом Бай победит. После смерти родителей долги только росли, и Сюй Тан лез из кожи, подбивая баланс.

Сжав зубы, Ло Мин поклялся себе, что одержит победу и заткнет золотом голоса кредиторов. Главное – держать ось, а потоки ци найдут себе путь.

Он сильный! Все знают, что сам подчинил себе духа, отправившись за ним в Дикие Земли. А Бай Жэнь свою Цикаду купил, нарушив традиции предков.

Словно вторя этим мыслям, в канале блеснул чешуей карп, а ветви согласно склонились от дуновения ветра. Солнце поднималось всё выше, и город за стенами будто дышал голосами. Со временем каждый такой вдох становился всё громче, переходя в рыночный гул, похожий на рокот прибое. Но, если прислушаться, он распадался на сотни ручьев: скрип колес по брусчатке, удары по наковальне и крики открывающих лавки торговцев.

Но поверх всего проступал другой ритм – пока еще робкая дробь барабанов. Для Ло Мина они как бы отсчитывали последние часы прежней жизни. Наследник должен стать главой дома не номинально, а так, чтобы это признали теперь

уже все.

Задумавшись, Ло Мин не сразу заметил, что к воротам неспешно приближались носилки с писцом. А увидев, послал слуг его встретить.

Выяснилось, что Канцелярия утвердила для процессии Ло маршрут через Лисью улицу. Вдоль нее тянулись лавки, у прилавков с утра толпился народ, и узкий проход шествие неизбежно замедлит. Придется выезжать раньше, ломая регламент, в котором рассчитано всё.

Пока Сюй Тан улаживал дело, Ло Мин стоял перед алтарем, молясь своим предкам. Просил твердости духа и рук.

Пальцы привычно легли на холодный нефрит. Отец умер прямо здесь, когда Ло Мину было четырнадцать. Массив дал трещину посреди ритуала – вода в чашах покрылась рябью, зеркала потемнели, а Тень-Журавль не смог держать форму.

Отец упал на колени, кровь текла изо рта черной нитью, а он тянулся к алтарю, пытаясь умиротворить мстительных духов. Они не прощают долги.

Мать прожила после него лишь три месяца. Она каждый день приходила сюда и ставила новые чаши, пока не угасла. В последнюю ночь она позвала Ло Мина и Ло Инь, наказав не повторять ошибок отца. Больше никакой полутени, только Водораздел.

Ло Мин закрыл глаза и коснулся лбом холодного камня.

«Дайте мне сил не сломаться», – мысленно попросил он. – «Наш род теперь чист. Ваша смерть оплатила долги».

Сюй Тан ждал за ширмой. Всё было готово. Вот теперь можно идти.

Когда флаги подняли, процессия двинулась к Террасам. Носилки наследника, укрытые синим балдахинном с золотым журавлем, мерно покачивались в такт шагам стражи. Следом несли паланкины обеих сестер.

Их присутствие отзывалось в груди Ло Мина теплом и одновременно тревогой, напомнив о ставках в игре. Сюй Тан шагал сбоку, всматриваясь цепким, как крючок, взглядом в лица зевак.

Со всех сторон несло:

– Ло! Ло!

Приспешники Бай Жэнь у восточных ворот, вряд ли ему хлопали тише. Нефритовые Террасы дают повод громко заявить о себе. Дебют пред лицом императора – это экзамен, который одного из них вознесет.

Понемногу Ло Мин смог успокоить себя, и через какое-то время мысли потекли, как в канале вода. Их не гнали, оставив как есть, и они быстро ушли.

Флаги хлопали над головой, аромат благовоний щекотал ноздри, а каждый выдох вытягивал из крови отраву. Холод яда перестал быть врагом. Теперь его надо просто учесть.

К концу Лисьей улицы толпа сомкнулась плотнее, и чья-то рука метнула горсть соли под ноги носильщиков. Это была провокация – фамильяр мог испугаться ее.

Стража оттеснила людей от процессии, и Ло Мин улыб-

нулся краешком губ.

Дом Бай боится его. Скоро имя Ло либо будет высечено на нефритовых плитах, либо разобьется об них. Только Небу это решать.

Процессия Ло вошла под арку, а в другую уже въезжал кортеж Бай. Их баннеры висели друг против друга, и ветер дергал края полотнищ, будто испытывал крепость обоих домов.

Трибуны загудели, но быстро утихли, когда над императорской ложей подняли золотой фонарь.

Ло Мин вышел из носилок и замер, чувствуя могильный холод плиты под ногой. Барабаны молчали, ожидая сигнала, чтобы взорвать тишину. Враг уже здесь. Один из них уйдет с именем, что будет у всех на устах.

Над ложей взвился императорский стяг, и на трибунах взревели, приветствуя высокого гостя. Сын Неба почтил своим вниманием бой, и Нефритовые Террасы затаили дыхание, готовясь смотреть.

5. Вкус имени

*«Возвращение есть движение Дао.
Уступчивость есть действие Дао» (Лао-цзы, гл. 40)*

Останки какого-то колосса вросли в землю костями. Купол из гигантских ребер пропускал слабый свет извне, но непонятно, откуда он шел.

Ло Мин в этом мире был тенью с незаживающей, сочившейся его памятью, раной. Воспоминания выделялись из нее, точно гной, но они здесь ценились. Любое движение отзывалось режущей болью, а бегать и прятаться приходилось всё время.

Стая голодных шла по особому следу – его чувствам и мыслям. Ползли низко, шурша языками. Пасти как щели с колючими волосками, которыми нащупывали уцелевшую память. И на этот раз его снова нашли.

Один из духов коснулся «имени», лизнув иероглиф, и воздух качнулся. Исчез звук, на который откликался... Кто?

«Меня зовут Мин».

Пропал, значит, не весь. Но оставшийся слог повис как бездомный. Под ним пряталось нечто двойственное, интимно-стыдливое: шелест шелка, аромат персиков, презрительный женский смех.

Чей?

Это было сожрано раньше, чем вспомнил, но Мин почувствовал облегчение, расставшись с ним навсегда. А вот остального уже было жалко. Осколки памяти стали здесь кормом, которого жаждали все.

«Держи ось!»

«Ты правда этого хочешь?»

«Братик, если ты упадешь, то и мы упадем...»

«Победа – за Бай Жэнь из дома Бай!»

Образов и голосов было много. Они появлялись и тут же исчезали в глотках, оставляя в нем дыры, – раны из пустоты. – Назовись! – зашептали ему, когда воспоминания перестали всплывать.

Сжавшись от влажных прикосновений их языков, Мин пытался удержать и спрятать последний иероглиф. Неужели его тоже придется отдать?

К нему подбирались всё ближе, и тогда пришлось сжать имя до свиста. Мин бросил его, точно кость злющим псам. Голодные с шипением, сорвались за ним, но в этой толкучке оно смогло ускользнуть.

Твари взбесились. Запах их раздражения стал вонючим, пронзительным. Они обернулись, но Мин уже спрятался, погасив мысли, точно задул там свечу. В бездумье его будет трудно найти.

Он старался не думать, но старание и выдало слишком громким усилием. Почти пройдя мимо, голодный остановился и полоснул языком по тени, снимая самый тонкий и

чувствительный слой.

Там обожгло болью – из раны на миг вырвался свет, но темнота спасительно стянула края, пряча его от голодных. Слизанный слог тонко взвизгнул, застряв в пасти-щели, но каким-то чудом смог выскользнуть и вернуться.

Придя в себя, Мин побежал к стенам-ребрам, пытаясь выскочить и скрыться за ними. Но как только оказался снаружи, вскрикнул от боли. По тени огоньками побежали ожоги, а пространство треснуло, образовав щель.

За ней женский голос испуганно всхлипнул. Оттуда вырвался теплый свет, пахнуло чем-то немыслимо вкусным, и Мин, забывшись на мгновение, жадно потянулся уже с остальными. Но дыра тут же сомкнула края перед мерзкими мордами. И перед ним тоже.

С разочарованным шипением с него вновь стали слизывать тень, снимая ее полосами. И за каждой открывалось что-то запретное: дразнящая упругость под подушками пальцев, вкус поцелуя, интимное тепло под тонким бельем.

Корчась от боли, Мин таял под языками, пока не исчез. Но имя осталось, а плоть нарастет. Не в первый раз.

6. Колодец без дна

*«Лучший боец победит без борьбы». Сунь-цзы,
«Искусство войны»*

Распад и рождение всегда ходят по кругу. Место было другим, но тоже внутри исполина, чьи останки выросли в землю корнями. Стены, как многослойные соты: в каждой ячейке – обглоданная до белизны кость. В центре чернела похожая на колодец дыра с маслянисто блестящей водой в глубине.

Голодные сидели в ячейках, как черви. Видимо, они не могли сами выйти, поэтому шепотом звали, обещая укрытие у себя в скорлупе: *«Отдай имя – и будешь таким же»*.

Мина не привлекала их жутковатая участь, поэтому он сидел в центре рядом с колодцем и подолгу смотрел вниз. Свет расплетался там в радугу, а вода отражала в нем странное.

Чаще всего это были эфемерные, тонкие, похожие на жилки нити. Если на них долго смотреть, они становились узором, который разговаривал не как голодный. Он не просил, не требовал, а выжидал, как торговец, который знает цену товару.

– Ты можешь вернуть меня в... свет? – спросил прямо Мин.

– Если отдашь мне там самое ценное. Не всё, а лишь часть. Мы это честно разделим.

– Видимо, хочешь меня обмануть?

Вода в колодце дрогнула, будто он улыбнулся.

– Обман – это когда берут и не платят, – отметила рябь. – Я заплачу твоей же свободой.

Мин задавал и другие вопросы, но ответы были неясными, и за каждый приходилось платить. Но воспоминания, исчерпав свою силу, появлялись всё реже. Их было жаль отдавать ни за что.

Одно из них говорило, что колодец бывает источником знаний и мудрости, но Мин не думал, что мысль была собственной. Возможно, это внушили, чтобы украсть то, что осталось. Несмотря на потери, воспоминания растут, как цветы. Они еще свежие, а у других уже сгнили, что и вызвало зависть.

Голодные все одинаковы, только этот выглядит немного иначе. Пахнет чем-то мускусным, животным, телесным. Мин о своем прежнем «я» мало что помнил, а колодец, наверное, кое-что знал. И обещал то, во что трудно поверить: вернуть к жизни еще более сильным. Надо лишь в его темные воды упасть.

Но только отчаявшийся на это решится, а именно таким Мин сейчас был. Самому же не выбраться. Есть только два варианта: в ячейку к голодным или камнем в колодец, других просто нет. Разве что сидеть, слушая шепот, а потом стать

таким же. Он уже хотел есть, дальше будет лишь хуже. И так целую вечность, если останется тут.

Колодец, видимо, столько ждать не хотел. Вода в нем заволновалась, а когда успокоилась, поверхность стала круглым окном, в которое настороженно всматривался кто-то снаружи. Сначала появились только губы и нос; мелькнули глаза, луна, звезды, и потом, уже отдалившись, – чье-то лицо.

Это была девушка, увидевшая в зеркальце не свое отражение, а то, что опознать не сумела. Высокие скулы, чуть приоткрытый, от чистого, почти детского изумления, рот. Оно преломилось, как ветка под снегом – медленно, а потом разом. Брови поползли вверх, зрачки расширились, и в них плеснул страх. Но не отвела взгляд.

Мин же смотрел на нее, как со дна колодца на небо, потрясенный не меньше. Живое лицо! Теплое, человеческое, как в осколках из разбитой вдребезги памяти. Так выглядят люди. Таким сам был когда-то. Не тень, не мерзкий оскал, не пучок щупалец в пасти. От девушки пахло жизнью и страстью, и ее было достаточно, что унять его голод.

– Лучший момент для побега, – прошептал колодец. – Придется платить. Часть сейчас, остаток потом.

– Чем? – выдохнул Мин, рассматривая ее искаженное страхом лицо.

– Узнаешь, как придет время.

Мин не стал торговаться и бросил плату – самое дорогое, что помнил: аромат персиков, синий веер, закрывший ли-

цо по льдинки-глаза и бумажную ласточку в руках младшей сестры.

Узел памяти развязался, выпустил их, и пустота заняла внутри. Будто вынули сердце и не оставили раны. А Мин даже не помнил то, что отдал.

Вода сомкнулась, как усталые веки. Темнота шевельнулась и приняла подношение. Мин, не колеблясь, прыгнул в нее.

Он вынырнул в ночной прохладе у пересохшего канала на окраине города. У него ни тела, ни тени. Остался голос, да и тот едва слышен:

– *Простите...*

Вскрикнув, девушка бросила зеркальце, точно змею, едва не разбив. Это вторжение. Какое-то чудище рвалось в ее мир.

Сейчас надо было что-то ей предложить, сказать, успокоить, но у Мина не было опыта сделок. Он не умел просить, врать, обещать и потому растерялся. Но отчаянно желая остаться, вложил всю свою жажду в мольбу:

– *Пожалуйста, позволь быть с тобой рядом. Я буду другом, слугой, рабом – кем захочешь!*

– Уйди! Ты мне не нужен! – вопль сорвался на визг и заметался по руслу.

7. Шепот пустоты

«Когда ученик готов, учитель появится». Дзэн

Сглотнув слюну от аромата горячей еды из чайной, Лин Сюэ осторожно, без скрипа, села на крыше, стараясь, чтобы ее не заметили. Лишний свидетель сейчас ни к чему.

Город спал, как зверь, не закрывая глаз. Лампы под ветром мигали неровно, и тени от бамбуковых жердей резали мостовую на части, позволяя подогнать под них шаг. А Лин Сюэ их считала всегда.

В доме напротив штопаные шторы чуть колыхнулись. Женщина выглянула из окна и кивнула темноте, а не кому-то конкретно. Люди знали, что иногда нужен легкий поклон пустоте, чтобы не приходила за ними.

Лин Сюэ сидела на краю крыши, пила белый чай и слушала город из своей паутины. Не ушами, а нитями, что тянулись к сухому каналу на окраине города. Зеркальце уже у воровки, с ним было просто. Легат так и не решился его снять со стены, подозревая проклятие.

Так по сути и было, но не он был его целью. Зеркальце должны были украсть, но звезды сошлись как-то иначе. Подкидывать его пришлось ей самой, но результат вышел тот же. Как только безделицу показали и положили в карман – девочка клюнула и почти сразу стащила. Не удержалась, любит

блестяшки.

Ее было жалко, но Лин Сюэ не мучила совесть. Найти и собрать такую пару сложнее, чем головоломку «Хуа Жун Дао» с девятнадцатью блоками. Никто не любит веревку на шее, но, к счастью, всё получилось. Осталось только подогнать все детали, не испортив ничего напоследок.

Лин Сюэ перевела взгляд на тень. Мо хорошо потрудились, но его «ученик» обглодан до имени и, возможно, слишком слаб для контракта.

Вздыхнув, Лин Сюэ потерла шею под воротом, скрывавшим морщины, если нет маскировки. Прятать их всё сложнее. Время не терпит, а Мо любит благородных и юных, не делая скидок на возраст.

Мрачно улыбнувшись своим мыслям, Лин Сюэ поставила чашку, чуть плеснув чаем на крышу. Вспомнилось, как в Диких Землях случайно призвала Мо. Разложив подношения, ловила духа-тотем, чтобы использовать, как фамильяра. А пришел он, потребовав то, что зверушки не просят. Такого поворота она не ждала.

Все демоны разные. Заключая контракт, им подносят золото, детей или душу – всё, что имеют, чтобы получить то, что хотят. Но чтобы их заставить служить, нужно укротить собственный ум. А если не выйдет, то будешь сама одержимой.

Прошло столько лет, а та безлунная ночь не стала в памяти менее яркой. Лин Сюэ хорошо помнила жгучий запах

страсти от Мо. Как все инкубы, он подчинял дух через тело. Бросил ее на колени, схватил за волосы и жарко выдохнул в ухо: *«Я возьму подношение, раз пригласила. Им будешь ты»*.

К ее счастью, он был горяч и неопытен, потому и попался. Лин Сюэ до сих пор не решила, что тогда победило – готовность к худшему или безразличие к тому, что с ней будет. Она совершенно не цеплялась за девичью честь. Прокусила ладонь, подставила свиток, а демон увлекся и отпечатал в крови пятерню.

С тех самых пор ей и служит. Или она? Это трудно понять, если полезны друг другу почти двести лет.

Жаль, что контракт, как и всё, не может быть вечным. В сансаре ничего не удержишь.

От воспоминаний ее отвлек шепот Мо:

– *Ну, что? Как они там?*

– Тс-с! – пшикнула она, приложив палец к губам. – Сейчас посмотрю.

Лин Сюэ скользнула с крыши на балку чайной, спугнув с нее кошку. Заклятье на зеркальце, что стянула воровка, позволяло видеть ее. Девочку жалко, но себя еще больше. Если не накормить, Мо уйдет к молодой. Такие дурехи бывают и королевских кровей. Да и самой пора сбросить десяток-другой.

Сосредоточившись на образе, Лин Сюэ мысленно потянулась к нему. Он неясный и зыбкий, словно картинку нарисовали углем: пересохший канал, как пустая вена мертвой

реки, делился лишь памятью о былом полноводье. Справа – длинные стены складов, слева – сгнившие мостики.

В таком возрасте разница между «держать» и «вести» стала заметной, потребовав много усилий. Кровь потекла из носа, колени стали дрожать. И сильно расстроило то, что удалось рассмотреть: девчонка отшила юного духа!

Он, конечно, старался, но испугал бедняжку до колик. Пока не готов. Человечность до конца не обглодана. Вода обтачивает камень не силой, а постоянством. И всё же, хорошее «нет» лучше бездумного «да». Первый блин всегда комом.

Мо поспешил, но его можно понять – такое ищут годами. Идеальный сосуд для нектара, что утолит его голод. А может даже для большего. Инкубы теряют голову от чистоты голубой крови. Воистину королевский подарок.

Но положение надо как-то спасать. Семя не вырастет в сухой земле без полива. Ему нужен уход и на первое время – забота.

– Мо, помоги нашим ребятам, – сказала Лин Сюэ после раздумий.

– *Не веришь в него?* – спросил тихо он.

– Верю в тебя. Только не испорти мой последний подарок. Дай связи созреть, не срывай слишком быстро.

Тень шевельнулась, скользнула вниз по стене и помчалась по улочкам, пугая собак. Когда Мо добрался до девушки, та пряталась за сваей, не решаясь выйти под свет фонарей. Невидимый для нее дух висел рядом, опасаясь напугать еще

больше. Без контракта мир живых будет терпеть мертвеца всего пару дней.

Оценив ситуацию, Мо пустил по его следу голодных, открыв колодец для них. Почуввав живое и теплое, они кинулись к жертве, как ко столу со вкуснейшими яствами.

Девушка не могла их ясно увидеть, но боковое зрение поймало стремительное и неясное движение к ней. Она услышала шепот и, цепenea от ужаса, была совершенно уверена, что отвергнутый дух ей мстит и преследует.

Неожиданный порыв ветра раздул пузырем ее платье, поднимая подол, и словно чье-то дыхание обдало холодом ноги. Струи воздуха скользнули по ним и, лизнув кожу льдом, вызвали волны мурашек. Ткань затрещала, а пуговицы растегивались будто сами собой, открывая всё больше. Бесплотные пальцы, пробежав по груди и ключицам, коснулись губ и запечатали крик, гася его в горле. Но им было нужно не тело, а самое вкусное – ужас и паника, которых было в избытке.

Дрожа всем телом, девушка села и в отчаянии закрыла руками лицо, чувствуя, как будто тысячи волосков шевелятся под кожей.

Оставаясь в тени, Мо не спешил ей на помощь. Но и не дал окончательно захлебнуться в приступах страха. Демон закрыл от голодных колодец, отрезав от дома.

Без подпитки извне они были уже беззащитны в агрессивном к потустороннему миру. Все ниши в нем заняты, и на чужаков накнулись охранители местности и хищные духи.

Пространство вокруг пошло рябью, где что-то чавкало, скрипело, визжало. Пришельцев жрали, как цапли лягушек. Сжавшись в комочек, девушка не открывала глаза, чтобы это не видеть. Не смея вздохнуть, она ждала неминуемой смерти, слыша эти жуткие звуки. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем всё это стихло в последнем отвратительном всхлипе.

Наконец, пришла тишина – оглушительная и звенящая после кошмара. Холод, пробравший до самых костей, сменился прохладой. Робко, будто проверяя, не вернутся ли ужасы, застрекотали сверчки и цикады, наполнив ночь умиротворяющей трелью.

Легкий ветерок шевельнул волосы, осушил слезы, и девушка осторожно открыла глаза.

Над головой раскинулось бездонное, бархатно-черное небо, усыпанное россыпью звезд. Лунный серп, яркий и равнодушный к человеческим страхам, заливал русло мертвенно-серебряным светом. Словно ничего здесь и не было, а потустороннее не пыталось только что надругаться.

«Всё пригрезилось, как в дурном сне», – эту спасительную для психики мысль развеял вновь шепот.

– *Меня зовут Мин...* – представился Мо, не показав своей тени. – *Не выбрасывай зеркальце. Позови, если вновь станет страшно.*

Она глухо вскрикнула, а тень, усмехнувшись, растворилась в ночи, оставив плакать от страха.

Мин же молчал, будучи ошеломлен и растерян не меньше. Его спасли – и тут же использовали. Но выбирать могли только живые, и он был благодарен за помощь колодцу.

8. Две печати

«Рану от стали скроет одежда. Рану от клятвы не скроешь в тени» – разговор Серых.

* Десять лет назад.

Караулка пахла едким мужским потом, кислой капустой и перегаром. Девочка с грязными дорожками от слез на щеках дрожала на стуле. Пальцы стражника впились ей в плечи, как когти ястреба.

У двери стоял надзиратель – грузный, усатый мужчина со взглядом, будто ему и впрямь было жаль. Только жалость ничего не меняла. Пойманному с поличным вору отрубали кисть руки. Воровке отрезали нос. А про детей закон молчал – и оттого все злились больше.

– Лепешку стащила, – буркнул писец, макая кисть в тушь. – А шуму, будто казну обнесла.

– Купцы донесут – «потакаем», коли отпустим, – сказал надзиратель. – Приедут с проверкой, найдут еще что-нибудь. Вот и думай по какой статье ее провести.

– Носа там еще нет, чтобы резать. Кисть рубят совсем уж матёрым, – заметил писец.

Девочка втянула воздух. Ноздри дрогнули. Взрослые говорили страшные вещи, но это наверняка не о ней.

Дверь скрипнула. Внутри бочком вошел старик, пропахнувший копотью. Шапку он мял в кулаке. На Цай Ань глянул и с облегчением выдохнул:

– Почтенный господин, мое имя Юй Сяо. Я присматриваю за этой сироткой. Накажите только меня.

Надзиратель смерил его взглядом. Помолчал, кивнул на дверь и вышел. Старик за ним.

Через несколько минут надзиратель вернулся один и положил перед писцом столбик монет.

– Вам на двоих. Оформляй как разврат без лицензии. Клеймо на плечо: перекошенный крест. Запиши поручителя: ремесленник Юй.

– Не мала для клейма? – засомневался писец.

Надзиратель косо посмотрел на него.

– А без носа как раз? Мы ж не демоны увечить детей. Делай, что говорят.

Тот пожал лишь плечами. Его дело – писать, а не спорить. Клеймо так клеймо.

Монеты уже грели карман, поэтому стражник согласно кивнул и снял со стены железную вилку с насадкой. Положив ее на миску с углями, плеснул лампадного масла. Пламя по краям стало синим.

Девочка всхлипнула, не в силах отвести от него испуганных глаз. Когда железо покраснело, она забилась, как рыбка, хватая ртом воздух.

– Постой, – остановил надзиратель. – Тут такое дело...

Здесь мастер Серых. Пусть снимет боль. Закон разрешает.

В комнату вошел мужчина в коричневой рясе – простой, но чистой. От нее тянуло ароматом полыни и запахом дыма ритуальных обрядов.

Увидев его, надзиратель выпрямился, писец отложил кисть, а стражник спрятал ухмылку. Все трое поклонились, как делают это, встретив монахов. Но тот не ответил даже кивком.

Остановившись перед Цай Ань, он пристально взглянул на нее. Не как на воровку или ребенка, а оценивающе, как ювелир.

Взгляд задержался на глазах девочки, на линии скул, на подбородке, словно сравнивал черты не с бумагой, а с памятью. Лишь после этого старик опустил на колени и достал тонкую костяную иглу и пузырек, от которого пахло лекарством и травами.

– Боль, как река, – шепнул ей, коснувшись плеча, где пальцы стражника оставили красный след. – Она пуста по природе, смотри сквозь нее. Хватку ослабишь – мимо пройдет.

Рука монаха была холодная и сухая, точно пергамент. Цай Ань зажмурилась, когда почувствовала серии неожиданно быстрых, едва ощутимых уколов. К плечу будто пришивали заплатку, стеля слой второй, невидимой кожи. Было не больно, а скорее щекотно, но она решила всё равно не смотреть, слушая низкий горловой звук его мантр.

Цай Ань казалось, что от этого пения она вывалилась в

какое-то особое место, где ничто не могло ей уже навредить, и теперь смотрела оттуда. Надзиратель следил не за ней, а за неуловимо быстрой иглой в руке. Писец старательно делал вид, что занят чтением свитка. Стражник кашлянул и отвел глаза, словно ему стало стыдно за всех.

Вскоре на покрасневшей, масляной коже проступил сложный узор, напоминавший переплетение ветвей и иероглифов. Как только шаман перестал петь и встал, эти линии стали прозрачными.

– Держи ее крепче, – приказал надзиратель.

К этому времени железо над углями раскалилось почти до вишневого. Стражник вставил в зубы девочки бамбуковый кляп и зафиксировал жестко плечо. Она вздрогнула, замычала, но не смогла выдернуть руку.

Монах не отошел, а встал рядом, спокойно наблюдая за экзекуцией. Видимо, был совершенно уверен, что боли не будет или быстро уйдет.

Надзиратель вопросительно посмотрел на него, как ждал разрешения, и после кивка поднял с углей вилку с насадкой. От близкого жара узор на плечике снова стал темным, будто готовясь к их поединку.

Раздалось шипение. Бамбук в зубах затрещал. На миг боль обдала плотной волной, но ушла глубже, не застревая, по заранее сшитым дорожкам. Став незримым щитом, узор впитал ее и запер в себе, как закрыв на засов.

Цай Ань шумно дышала, считая до пяти и обратно, как

учил дядюшка Юй. Уже на «три» раскаленное железо отлипло, но кожа под ним стала розово-черной. Крест уродовал плечо, но не болел, как и сказали.

Монах наклонился к нему, оценивая результаты работы. Лицо не отразило и тени сочувствия. Скорее, удовлетворение мелькнуло, как тень. Так смотрят на вещь, где оставили метку, присвоив тем самым себе.

У самого порога он остановился и, не оборачиваясь, тихо сказал уже ей:

– Пузырек оставил, мазать три дня. Если начнет жечь без причины – будь осторожна, беда уже рядом. Знак направит тебя, когда будет нужно.

Когда дверь закрылась, стражник отпустил девочку и задумчиво почесал щеку, оставив темную полосу сажи. Надзиратель вытер со лба пот и вздохнул с облегчением:

– Вот и всё.

– Святой человек доносы не пишет. Дело закрыто. – Писец поставил печать в книге и щелкнул ногтем по уголку листа.

– А тебя чтобы у нас больше не видел, – добавил надзиратель, глядя на девочку. – Береги, золотце, носик.

Ее плечо перевязали бинтом и вывели за порог, где ждал дядюшка Юй. Укрыв плащом, он взял девочку на руки и понес к Лисьей улице.

Фонари курились желтым дымком и, глядя на них, Цай Ань незаметно уснула. И открыла глаза, когда ключ с щелчком повернулся в замке.

Тот же негромкий звук она слышала сквозь сон и сейчас. Прошло десять лет, а кошмар, в котором клеймили, еще терзал по ночам. Но сегодня к нему примешалось и свежее: многоголосый шепот, ледяные касания, а за ними – визг, чавканье и голос из тьмы: «Меня зовут Мин».

Цай Ань понимала, что с ней не играли. Бесплотным от нее нужно было что-то свое, но лезли туда, где ищут не душу. Или они знают много больше мужчин. Еще бы чуть-чуть... если б не тот самый Мин... Да что это за дух вообще?

До этого дня она не взывала к потустороннему миру. Не наводила порчу, не гадала на счастье, не рисовала на полу мандалу богатства, как легкомысленные девушки с Лисьей. Только прямое и честное воровство без всякого рода порочных услуг. Так чего же духи привязались именно к ней?

После кончины дядюшки Юй мастерская всё еще пахла угольной пылью. Ночь сочилась туманом в оконце, как «щупальца блуда» тогда под одежду.

Вновь вспомнив о них, Цай Ань поежилась. Воздух вокруг словно лип к ее коже. И вдруг слышала, как в замочной скважине щелкнуло. Кто-то пытался подобрать к двери ключ.

Значит, не сон!

Она рывком села в постели и замерла, подтянув колени

к груди. Снаружи, не справившись с замком, отошли. Там голоса – мужские, приглушенные и, к счастью, людские.

Или к несчастью? Пока непонятно.

Цай Ань скользнула с тюфяка на каменный пол и взяла кочергу. Подкравшись к двери, прислушалась.

– ...старик точно помер?

– Уж как год. Племянница вроде его здесь живет, сирота.

– И где же она?

– Шляется где-то, откуда мне знать... А вам зачем?

– Проверка реестров. Вывеска есть, а хозяина нет. Дом Бай имеет право на осмотр мастерской.

От страха спазм сдавил горло, и Цай Ань отшатнулась от двери. Это только предлог! После указа новых властей жить с подобным клеймом в Фэнсуе нельзя. За нарушение – порка и каторга. Проверят плечо и найдут!

Мысли метались, цепляясь одна за другую. Первой была про злосчастное зеркальце, с которого и началось это всё. Выходит, старуха заметила. Или кто-то таки увидел и донес про клеймо.

Цай Ань машинально потерла рубцы, оставшиеся после попыток его сжечь или срезать. Плечо чувствительней, чем место, на которое не стоит искать приключений. Проблемы предсказывает лучше, чем ревматизм старика – летний дождь. И начало жечь с утра. Поэтому и хотела выйти за город на несколько дней.

Теперь в дверь стучали – громко, настойчиво. Чувствова-

лось, что просто так не уйдут.

Цай Ань нервно оглядела мастерскую, которая внезапно превратилась в ловушку. За дверями ждут, на окошке – решетка. За верстаком есть черный ход в канаву, но его вряд ли сдвинуть. А если начнет, то сразу услышат.

Но о ней уже, видимо, знали. В дверь сильно ударили, давая понять, что церемониться больше не будут.

Цай Ань не колебалась и, метнувшись к тюфяку, выхватила из-под него завернутое в тряпицу зеркальце. Выбросить его тогда не решилась, но брать в руки боязно даже сейчас.

«Зови, если вновь будет страшно».

Значит, как раз подходящий момент!

Держа зеркальце, как ядовитую тварь, двумя пальцами, Цай Ань подняла руку, чтобы поймать лунный свет. В отражении появилось искаженное страхом лицо.

Узнать в нем себя получилось не сразу. Под глазами залегли синеватые тени, а иссиня-черные пряди растрепались и спутались после тяжелого сна. Жуть и кошмары не делали краше, но черты лица почти еще детские, несмотря на восемнадцать несправедливо прожитых лет. Жаль, нельзя спрятать грудь.

В дверь снова ударили.

– Эй, сирота! Открывай! Мы знаем, что там!

Цай Ань вздрогнула и нервно потеряла зеркальце пальцами. Говорят, йогины так вызывают своих гневных идамов. Сейчас очень хотелось, чтобы Мин был как раз из таких. Ес-

ли справился с похотливыми духами, то разгонит и незваных гостей.

Словно услышав эту последнюю мысль, зеркальце, наконец, отозвалось. Его поверхность пошла рябью, став дырой в мир серых туманов и неясных теней.

«Юдоль извечного голода и беспросветной тоски» – беззвучно поправил будто кто-то в уме.

– Мин? – прошептала Цай Ань, опасаясь разбудить кого-то еще.

Сколько их там может быть в зеркальце? Хватит одного, но большого. Беспорядочные связи с нечистью до добра не доводят. И мало ли что попросят взамен! Они, похоже, там озабочены все...

Втайне Цай Ань надеялась на красавца-идама с горящим взглядом и длинными, развевающимися на ветру волосами. Неясный сгусток мрака, примерно с кошку размером, быть легендой из городского фольклора не мог.

– *Да-да, я уже здесь!* – представилась клякса, прячась в тени от лунного света.

– Мин? – недоверчиво повторила Цай Ань и посмотрела на зеркальце.

Какая малютка! Сдать, обменяв на другого, уже вряд ли выйдет.

– *Конечно! Только быстрее!* – поторопило пятно.

– Ммм... а там есть кто-то еще? – подняла она бровь.

– *Они же тебе не понравились. Мне что, их позвать?* –

спросило с угрозой оно.

– Нет! Прости, – мотнула Цай Ань головой. – А как быстрее? Что надо сделать?

– *Как?! Ты человек. Должна знать!* – возмутился Мин. Разочарованный взгляд его, похоже, расстроил.

– Откуда? Я не держатель печати! – воскликнула Цай Ань, опасливо покосившись на дверь. Едва ли выстоит долго. – Ты ко мне первый полез!

– *Кажется, нам нужен контракт.*

– Ну так дай его.

– *У меня нет! Придумай сама!* – в голосе звенела уже неприкрытая паника. Но даже сейчас он был жутковато пустым.

В щель косяка сунули кончик клинка, и дверь затрещала, уже поддаваясь.

– Так... сейчас... – Цай Ань подняла руку, собираясь с мыслями.

Одна из них говорила, что как-то странно успокаивать духа. Но другого не дали, и выбора нет. Как и кисти, бумаги, черных свечей. Что у них там творится? Не мог всё с собой принести?

– *Ну же!* – взмолился он, прижимаясь к ногам, как собачонка.

– В устной форме пойдет? – засомневалась Цай Ань. В мифах героям хватало капельки крови и торжественной клятвы. Но в их двери при этом и не ломился никто.

– *Думаю, да!*

Подбежав к верстаку, Цай Ань нашла гвоздь и, не колеблясь, царапнула им по ладони. Тихо ойкнула и подбежала к стене. На миг показалось, что под ее пальцами кожа, а в них костяная игла.

Отбросив наваждение, девушка торопливо нацарапала столбик иероглифов:

«Я, Цай Ань, призываю духа-защитника. Его зовут Мин».

Когда кровь коснулась стены, плечо обожгло, будто опять приложили раскаленную сталь. Старый знак с ревностью встречал новый, неохотно признавая его.

Дверь содрогнулась, и в комнату полетели огрызки доски.

«Он служит мне».

На мгновение девушка задумалась, понимая, что этого мало. Настолько лаконичную форму не примут. В любом договоре надо обязательно прописывать цену, иначе могут не взять.

Еще удар. Брызнули щепки.

«За это я его буду кормить» – она неуверенно написала еще один столбик. Платить нечем, а еду найти проще, чем души, золото, девственниц или что там любят еще...

«Чтобы давать ему силу» – добавила строчку, не раскрывая, что имеет в виду.

«Силой» в ее понимании может быть многое. Если бы было время подумать, то подстраховалась бы от двусмысленностей разного рода, которые так любят обыгрывать демоны.

Но этот вроде бы на них не похож. Сойдет пока так.

Вышло слишком малограмотно и просто, но было не до изысков. Под последним иероглифом Цай Ань поставила кровавый отпечаток большого пальца и отпрянула, ожидая эффект.

Дверь с оглушительным треском слетела с петель, впуская людей: синяя униформа патрульных, начищенные медные бляхи, в руках фонари.

В тот же миг зеркальце вспыхнуло холодным светом, а стена, на которой был начертан контракт, окрасилась ядовито-зеленым. Мина втянуло в тень Цай Ань, как в воронку. При этом он ощутил фантомную боль под ключицей, на миг вернувшую в момент его гибели. В нем торжество врага, холод клинка в теле и последний взгляд на...

На кого?

Этого Мин вспомнить не мог, но с предельной ясностью осознал ту унижающую беспомощность еще раз, что стало незаживающей раной в уме. Он потерял имя, но не врага. Память не отдала лица, но оставила ненависть.

Почувствовав, как на него наступил чей-то сапог, Мин попытался встать. Его силуэт стал объемным и поднялся, дрожа темным маревом.

Люди завопили и бросились из комнаты, толкая друг друга.

Цай Ань беззвучно шевелила губами, требуя каких-то немедленных действий, но сейчас Мин почему-то не слышал

ее. Да и не понимал, на что в новой форме способен. Как таковой ее пока нет. Здесь действовали другие правила, законы и физика, которые только предстояло узнать. Но хорошо уже то, что никто не пытается его имя сожрать.

И пусть пока выглядит жалко, с первым заданием, видимо, справился: люди в страхе бежали, дав шанс уйти. А он... Он пока тень.

Отчаявшись дожидаться помощи, Цай Ань спасала себя как могла. Схватив кочергу, использовала ее как рычаг, чтобы отодвинуть стеллаж от стены.

«Сыпьте соль! Лампу быстрее!» – подгоняли крик и топот снаружи.

Освободив наконец-то проход, Цай Ань обернулась. Мин растаял в тени, как сахар в воде.

Надпись на стене наверняка прочитают. После такого в городе оставаться нельзя – обвинят в колдовстве.

9. Там, где сухо

Вода не спорит с камнями, их обтекая в ручье.

Когда-то дамба держала здесь воду, но река пересохла, оставив лишь пруд с камышом. Перед деревней торчал обугленный столб, на нем – доска: Сяо-Шуй. Знак дома Ло выцвел; похожие на два черепка иероглифы еле видны. Ветер полоскал ткань на веревке – когда-то флаг покровителя, сейчас – просто тряпье.

Цай Ань машинально отметила, что ее тень будто вздрогнула и потянулась к нему.

У покосившихся триумфальных ворот встретил сторож – морщинистый старик в стеганой куртке. Он подслеповато шурился, не столько всматриваясь, сколько слушая шаги в темноте.

Под навесом качался фонарь на рыбьем жире с закопченным стеклом, и Цай Ань остановилась в шаге от светового пятна. Мешок за спиной звенел пустотой, живот сводило от голода, а со двора пахло едой.

Старик скользнул взглядом по гостье, оценивая заштопанную куртку, стоптанные сапоги и задержался на лице. Он долго шурился, будто пытался увидеть, сколько бед гостья с собой принесет.

– Доброй ночи. Я хочу есть, – сказала она то, что он и так

уже понял.

– Заплатишь? – засомневался сторож, не спуская глаз с ее рук. Знает, что люди спросят с него.

Цай Ань и сама понимала, что крайне подозрительно выглядит. Помогла бы улыбка, но на нее сил совсем нет. Гримаса насторожит еще больше. Пусть уж как есть.

– У вас калитка скрипит, и почти не светит фонарь. Давайте, я всё поправлю, – предложила она, показав пустые ладони – маленькие, но с длинными пальцами.

– Зачем? Мы привыкли, – хмыкнул старик, посмотрев на фонарь. Пламя в нем дергалось и будто рыдало, умоляя почистить фитиль.

– Свет кривой, тени путают шаг – плохо для всех. И задвижка... – Цай Ань показала взглядом на щель. – Железо село от влаги, вот и клинит-скрипит, зовет к себе духов.

Как подтверждая слова, фонарь плюнул дымом, и чад пошел с новой силой.

Неохотно кивнув, сторож снял его с крюка и осторожно протянул гостье. Лицо напряженное, словно ждал, что она схватит фонарь и со зловещим хохотом убежит в темноту, оставив без света. По ночам в степи шастают только дикие духи.

Отделив стекло, Цай Ань придержала нижний штифт ногтем, чтобы не звякнуло. Протерла изнутри, поправила фитиль, чтобы не торчал высоко. Повернула на полграни, как учил дядюшка Юй: «Не дави на свет, только правь».

Пламя смирилось. Стало ровным. Не синело по краю, не жевало зря воздух.

– Так, – сказала Цай Ань. – Теперь можно ставить ногу не глядя. Задвижка еще.

Присела, приложила ухо к щели. Дерево скрипнуло. Разбухший косяк поджимает крючок.

Она провела ногтем по кромке, вычищая ворс и песок. Из рукава достала костяную пластинку, гладкую, тоньше ногтя. Протянула ей вдоль, и крючок сел. Когда толкнула калитку, та закрылась без стука.

– Ручки, значитца, кормят? – прищурился сторож.

– Всяко бывает, – ответила Цай Ань. – Мне бы немного еды. Скажешь – уйду. Беспокоить не буду.

– Вот как... – Старик повесил фонарь на место, развернув к ветру трещинкой, чтобы лучше тянуло. – Ну ладно, входи. Пусть староста скажет. Он слова любит, а я нет. – И отступил на шаг пропуская.

Цай Ань вошла под навес и привычно поправила ткань на плече, где жила ее тайна. Бояться не стоит. До податей власть про деревню не вспомнит.

За калиткой открылась короткая улица. Пять дворов, колодец. Из бочек тянуло кислым, квасили что-то. Собака поджала хвост и убежала за дом. Не гавкнула. Сторож про себя, видно, это отметил.

Староста жил дальше, у края пруда. Оттуда слышно кваканье. Прерывистое, будто кто-то считал в темноте, ошибал-

ся и начинал снова. У воды стояла женщина, прижимая к груди детскую обувь.

Дом встретил скрипом. Дверь цепляла порог, оставляя щель, откуда тянуло холодом. На жерди сушились сети. От аромата похлебки живот заурчал, и Цай Ань опустила глаза.

Сторож подошел и зашептал что-то старосте. Им был сухощавый мужчина с усталым взглядом. У печи сидели двое детей: мальчик обсасывал деревянную ложку, девочка тербила рукав. Оба, не отрываясь, смотрели в окно, где не пруду серебрилась дорожка.

– Уж не ведьма ли часом? – спросил без обиняков староста. – Та, что в городе ищут? Давеча наряд на тракт приходил.

– Нет, не ведьма. Ложный донос, – заявила Цай Ань, не отводя взгляд. – Чиню мелкое, не ворую у бедных.

– Хм... жаль. Нам-то как раз ведьма нужна, – не поверил ей староста. – Ну садись, ешь. – Он показал взглядом на стул, а жена поставила на стол миску лапши.

Цай Ань старалась есть медленно – ложка, вдох, ложка. Еда была вкусной и обжигала язык.

– Пожила бы у нас, пока ищут, – продолжил, глядя в сторону, староста. – Сколько хочешь, коли поможешь. А то ведь знахарь к нам никогда не доходит. Да и платить ему нечем, кроме похлебки. Сети рвутся, рыба в бочках гниет, а детки... – Он тяжело вздохнул. – Чуть не утопи. Тянутся к воде прямо во сне, а нам страшное снится.

– Простите, – извинилась Цай Ань, отодвигая пустую тарелку. – Мое – дверные косяки, фонари и засовы... Вот вашу поправлю, ведь тоже сквозит.

Она встала и подошла к двери, спиной чувствуя взгляды. Всё же неженское, как считается, дело. Сняла набухший ворс, пальцем пригладила кромку, найдя там бугор, который стесала ножом. Подтянула петлю на пол-оборота, подложила под нижний штифт тонкий клинышек из треснувшей щепки. Дверь тут же села. Когда толкнули – закрылась плотнее, лишь воздух, как выдохнув, бесшумно втянулся.

– Хм, дверь не скрипит, – заключил староста. И после паузы добавил с надеждой: – Но усмиришь ли ты воду?

Цай Ань посмотрела на детей и беспомощно развела руками, показывая, что не может помочь. Она бы и рада, но как?

Жена старосты проводила к амбару, что стоял у пруда, и оставила на скамье одеяло и огарок свечи, за что Цай Ань была благодарна.

Желудок приятно грела похлебка, над головой – крыша, но что делать дальше? К тяжелому крестьянскому труду не приучена, чинить уже нечего, а Мин вряд ли поможет.

Чиркнув кресалом, Цай Ань поймала искру в трут и зажгла свечку. На сквозняке пламя билось неровно, осветив пустой и холодный амбар. Пол – утрамбованная глина с охапкой соломы. Стены из неровных досок с щелями.

Тяжело вздохнув, Цай Ань подняла подол и капнула на обнаженное бедро воском.

– Так хорошо? – спросила она, болезненно вздрогнув.

– *Спасибо. Этого хватит,* – прошептал Мин, вновь испытывая чувство вины. Но голод не признает оправданий. Должна своей головой была думать.

После побега Цай Ань поняла, где ошиблась в контракте. еда может быть разной. Если связалась с нечистью, то придется платить, вот и стала для духа, как грядкой. Люди своих паразитов всегда кормят сами, и зачастую о них даже не знают. Легко отделалась, если подумать. Сосали не кровь, не здоровье, не жизнь, а ее эмоции, ощущения, чувства.

Мин мог съесть любое из них, но брал только худшее. Светлое девушке нужно самой, а темноты в ней было немного. Безопасней всего – забирать ее боль, но потянешь одно – заденешь другое. Психика слишком тонка и сложна, чтобы вырвать кусочек, не оставив шрам или рану.

Ночной пруд словно дышал в щелях между досок, и громкий лягушачий хор вплетался в его тихий вдох. Но там же шлепки чьих-то шагов за порогом, словно кто-то бродит во-круг.

Вскочив, Цай Ань осторожно открыла дверь и, видимо, спугнула кого-то. На пороге темнел след маленькой босой стопы – свежий и влажный.

По спине пробежали мурашки, и Цай Ань поспешила вернуться в амбар.

Мин мог съесть ее страх, как несколько раз уже делал. Лицо тогда разглаживалось, словно пламя внутри прикрутили.

Глаза становились неприятно пустыми, а он пустоту ненавидел. Ее и так слишком много везде.

Вкус боли тоже достаточно мерзкий, но она не лгала – не мертвая маска. И хотя бы была человеческой: кривила губы, сжимала плечи, делала дыхание рваным. Мин слишком хорошо знал, как выглядят те, из кого что-то вынули. И потому морил себя голодом, но не просил дать ему больше.

– Там то, о чем они говорили? – поежившись, сказала Цай Ань, не отрывая взгляда от двери. Потом уже жестче: – Может, им всё же поможешь?

Мин не ответил, зная, что может. Только не он, а наставник-колодец. Если спросить, тот, наверно, откликнется, но бескорыстной его помощь не будет. Каждый совет увеличивал долг, за который попросят «самое ценное». Видимо, его пока еще нет.

– Нас завтра выгонят. От тебя толк вообще будет? – не отставала она, показывая, что считает его дармоедом.

Мин угрюмо молчал, надеясь, его оставят в покое. Но, конечно, права: от их союза у нее только проблемы. Но чтобы быть сильным, надо есть больше. А значит, жрать всё подряд.

Он вдруг почувствовал, что в амбаре будто стало теснее. Сквозняк, гулявший между досок, пропал, а вместо потянуло затхлой водой и прелой листвой.

– *Я снова нужен?* – участливо предложил помощь колодец, но словно улыбнулся где-то во тьме.

– *Цена?* – так же беззвучно спросил его Мин.

Цай Ань насторожилась. Она их диалоги, к счастью, не слышит, но чувствовала зловещее присутствие кого-то еще.

– *Символическая. Почти подарок.*

– *Снова из памяти? Специально забираешь у меня почти всё?* – возмутился Мин грабежом.

– *Поверь, мальчик мой, для твоего это блага. Прошное ранит и только мешает. Если не помнишь, что потерял, то не жалеешь о нем.*

Мин не стал возражать, хоть и не был согласен. Он не помнил врага, но мечь как раз то, с чем расстаться не мог. Словно вешалка, на которой висят атрибуты прежнего «я». Выдерни ее, и они упадут, как пустые одежды. Больше всего Мин боялся, что это и есть «самое ценное», что потребуют к уплате за долг.

– Кто здесь? – прошептала, вглядываясь в тени, Цай Ань.

– *Подожди!* – рявкнул Мин, слушая вкрадчивый шепот колодца, подсказывающего, как успокоить им пруд.

Как оказалось, решить проблему несложно. Сложно показать людям что делать. А труднее всего объяснить с Цай Ань. Придется-таки ей рассказать.

– *Тут такое дело...* – начал осторожно Мин, когда остались вдвоем.

– С кем ты говорил? – перебила она.

– *Этого я не совсем понимаю,* – признался он честно. – *Я называю его ммм... «колодец». Слышу голос, вижу тень.*

– Кто-то из ваших? – испуганно спросила Цай Ань. – Что

он хочет от нас?

– Пока не сказал, – помрачнел Мин. – У нас там всё... сложно и... не бесплатно. Я плачу ему памятью. Всё еще хочешь этим детям помочь?

– Да! – без колебаний кивнула она. – Это важнее, а мы всегда вместе. Если меня вдруг забудешь, я тебе расскажу.

– Тогда первое правило: один голос на людях, – объявил Мин. – Ты говоришь, я молчу.

– Почему? Они тоже слышат тебя?

– Не слова. Только дурноту, чужой тембр, будто в комнате кто-то еще. Мой голос, как запах крови в воде. Дыханием со мной говори.

– Дыханием? Как?

– Сядь ровно. Свечу поставь перед собой. Тень – вперед. Пальцы на горло.

– Так? – Цай Ань выпрямила спину и осторожно коснулась шеи.

– Попробуй щелкнуть языком. Посчитай до пяти и на выдохе скажи мое имя. Половину звука отдай, оставь другую внутри.

Горло щелкнуло. Свеча вытянула иглой огонек.

Цай Ань вдохнула чуть глубже и попыталась сказать имя в два слоя: шепот и нижний гул пустой грудью.

– М-мин...

Звук вышел странным, но пламя побледнело и дернулось, будто по фитилю щелкнули ногтем. Горло царапнуло, как от

песка.

– *Еще раз.*

Голос лег плотнее. Появился второй. Глубже, темнее, как бы вплетенный. Тень у стены дрогнула и приподнялась. В голове мягко клацнуло, словно штифт вошел в паз.

– М-мин...

– *Молодец. Это Горло. Первая шпилька. Через нее сможешь звать и вести.*

Цай Ань осторожно коснулась шеи.

– Почему так саднит?

– *Это цена. У каждой шпильки своя.*

Она поморщилась и сглотнула.

– Ладно. Теперь о воде. Проклятие, да?

Мин замолчал, прислушиваясь к чему-то под досками. Ему всё еще грезился шепот голодных. Но здесь только мыши.

– *В пруду мальчик-утопек. Это он приходил. Не отпустили его.*

По спине у Цай Ань побежали мурашки.

– Кто-то держит его?

– *Свет и соль. На мостках фонарь с треснутым стеклом. Такой свет режет воду. Ломает ритм, а ребенок любил слушать лягушек, считал кваканье. И теперь считает. Сбивается – и тянет к себе тех, кто слышит.*

Цай Ань сразу вспомнила неподвижные лица детей в доме старосты и снова поежилась.

– Так ты прогонишь его?

Мин ответил не сразу.

– *Нет. Гнать нельзя – показать ему путь. Когда ветер сменится, и лягушки опять собьются со счета, позови его Горлом.*

– Я? – она подняла голову и округлила глаза. – Сама?

– *Потом скажешь ему двуголосьем: «иди дальше». Мягко. Он заблудился.*

Цай Ань скривилась, но спорить не стала. Шепот наружу, гул внутрь. Горло уже саднило, но она выровняла дыхание и попробовала хоть как-то позвать.

Получилось не сразу: низ уходил в нос, и вместо второго слоя вышло мычание. Потом, наоборот, шепот становился слишком острым, и свеча будто плевалась в нее огоньком.

– *Не дави,* – сказал Мин. – *Веди аккуратно.*

Цай Ань пробовала еще и еще. После стольких попыток плечи налились тяжестью, а голос стал хриплым. Но в какой-то миг оба слоя легли-таки рядом. Огонек свечи трепетал в такт биению сердца, но свет падал на пол ровно, и больше не резал.

И в ту же секунду замолкли лягушки. Тишина накрыла амбар, как сырой сетью.

– *Так. Теперь слово,* – быстро сказал Мин. – *Коротко. Без лишнего воздуха.*

Язык сам нашел неудобную, гортанную форму. Цай Ань выдохнула звук, как сжатую просьбу. Боль полоснула, как

обожгла кипятком.

– *Достаточно. Теперь буди старосту. Мальчик скоро появится. И пусть приведут его мать. Что делать дальше, сейчас расскажу.*

– А твой колодец не врёт? – спросила она и закашлялась.

– *Мне слышно, как свет режет воду,* – ответил Мин после паузы. – *У него тоже есть звук. Просто доверься и поймешь всё сама.*

Горло просило пощады, но Цай Ань решила идти до конца. Дух видит то, что ей недоступно: сбитый счет, рваный свет, привязанный след. Если с проклятием нельзя сладить руками, придется верить тому, кто знает о нем.

Покачав головой, девушка посмотрела на свою тень с уважением. Воспоминания для Мина, вероятно, бесценны, но все же согласился помочь.

Выслушав его инструкции, Цай Ань собрала всю свою смелость и направилась к дому. Дверь громко хлопнула, и люди в нем вздрогнули. Староста, видно, только прилег и неохотно поднялся, протирая глаза. Жена вскинулась сразу, прижав руки к груди.

– Вставайте, – прохрипела Цай Ань. – Только тихо. Мальчик сейчас у воды.

Староста со сна даже не понял:

– Что за мальчик?..

– Утопленник ваш, – выдохнула она, заражая их жутую, которую едва терпела сама. – Он всё еще здесь. Если оста-

вить, заберет всех детей.

Женщина ахнула и закрыла рот рукавом. У старосты потемнело лицо:

– Да что ты такое несешь?

– Тело так и не нашли, верно? – спросила Цай Ань.

– Баграми чесали, да как там найдешь... Видать, водяные прибрали его... – опустив глаза, пробормотал тот.

– Не водяные. У вас фонарь на мостках поставлен неверно, – сказала уже тверже она. – Свет режет воду. И соль не на месте. Будешь спорить – уйду.

Староста недоверчиво посмотрел на нее, но подумав, кивнул.

– Что надо?

– Уберите от берега соль. Она должна кусать мертвецов, а не пруд. Ее сырость там ест.

– Слышала? – мужчина обернулся к жене. – Там А-Хуа была, пусть поможет тебе.

– Фонарь, что у пруда, тоже снимите, – продолжила наводить порядок Цай Ань. – И принесите еще один.

– Два-то зачем? – не выдержал староста.

– Утопец кривому свету не верит, – нашла Цай Ань, удивившись себе. – Один позовет сверху, второй покажет, куда ногу поставить.

К пруду шли, опасливо вглядываясь в темноту. А-Хуа – женщина, прижимавшая к груди детскую обувь, стояла на том же месте у самой воды. Услышав, она обернулась, с на-

деждой на них посмотрев. Лунный свет делал ее лицо прозрачно бледным. Глаза были сухими, плакать уже не могла.

Староста снял с крюка фонарь и молча кивнул. Трещина на стекле и правда была. Свет падал рваной полоской на воду, точно резал ножом черноту.

– Новый – туда. – Цай Ань показала на столбик у дерева. – На уровне груди, трещинкой к ветру. А второй – ниже, чтобы была, как ступенька. Нет, еще ниже... вот так.

– Ступенька куда? – прошептала А-Хуа.

Цай Ань старалась на нее не смотреть, но ответила:

– Туда, где будем мы все.

Сторож неловко кашлянул и отвел взгляд. Мужчины возились с веревкой, руки дрожали, железо постукивало глухо и зло. Один едва не уронил фонарь в воду, и в ней что-то плеснуло. Все разом замерли, смотря на Цай Ань.

– Не бойтесь. Там же ребенок, – успокоила она, хотя и сама испугалась.

Под настилом нашли привязанный к свае брусочек соли – отсыревший и липкий. Когда его взяли, от воды потянуло гнильцой.

– Теперь всё? – спросил уже почтительно староста.

– Нет. На мостках оставляли еду?

Он замялся.

– Иногда... рис. Чтобы водяных успокоить.

– Успокоили и прикормили, – отметила сухо Цай Ань. – Убрать всё.

А-Хуа вдруг вздрогнула и сделала один шаг к пруду.

– Мой мальчик... голодный?

Люди переглянулись. Вопрос будто повис над водой.

«Нет» – подсказал Мин беззвучно. «Раз еще здесь».

– Он заблудился, – выдавила хрипло Цай Ань. – С ним будет всё хорошо.

По ее требованию к мосткам принесли ведро и, плеснув на доски, соскребли прилипший к ним рис. Жена старосты вытащила в совке из амбара золу, и Цай Ань насыпала узкую сухую дорожку, обозначив так путь.

Казалось, теперь вода успокоилась, больше не выглядя страшной черной дырой. Верхний фонарь светил ровно, нижний давал мягкий свет. Жир в них слабо потрескивал, копоть ползла по стеклу. Лягушки в камышах сбились, при- тихли – и снова начали счет.

– Теперь, – прошептал Мин. – Пусть мать зайдет в воду. Не больше, чем по ступню.

Цай Ань обернулась к женщине с обувью и показала, где встать:

– Когда скажу – положишь под фонарь рис на белую ткань.

Всё было готово. Лунная дорожка соединилась с полоской золы, как протянув к берегу стрелку. В воде что-то жутковато белело, и люди пытались это пятно рассмотреть. Никто не смел подойти ближе. Напротив, опасливо отступили на пару шагов.

– Не глядите в лицо, – предупредила Цай Ань, слушая то,

что нашептывал Мин.

Она приложила два пальца к горлу, встав так, чтобы его тень легла между фонарями мостом. Набрав воздуха в грудь, позвала двуголосьем, и люди невольно попятились, услышав его. Лягушки как захлебнулись и смолкли, сбив снова счет.

Поверхность воды дрогнула, показав голову, плечи, раскинутые в стороны тонкие руки, проступающие, как чернила сквозь ткань. Он вышел к мосткам, но остановился перед золой и будто всё еще слушал кваканье, которое не мог досчитать.

А-Хуа вдруг шагнула вперед, прежде чем ее удержали. Детские башмачки выскользнули из бледных рук и упали на доски.

– Ц-ц... Цзы-ню? – выдохнула она, словно имя рвалось из нее очень давно и только сейчас нашло щель.

По воде пошла рябь, а нижний фонарь вдруг мигнул, и пламя в нем стало синим.

– Не зови! – остановила Цай Ань. – Оставь подношение!

Услышав ее, А-Хуа зажала рот ладонями, загоня крик внутрь. Она видела сына, как помнила, а не как его изменила вода.

Женщина опустилась на колени. Пальцы не слушались, зубы стучали. Белая тряпица выпала из рук и намокла, но ее быстро подняли и положили под верхний фонарь.

– Рис... – напомнила тихо Цай Ань.

А-Хуа половину рассыпала, потому что дрожала,хватило

и этого. Мальчик поднял голову. Лица почти не было – пустые провалы глазниц и приоткрытый рот, словно собирался о чем-то сказать. Но даже на этом страшном лице оставалось еще что-то детское: растерянность и непонимание, где он сейчас.

Видя его, А-Хуа не застонала, а скорее завывала. Голос почти потеряла, зовя на берегу сына все эти дни. Она протянула к нему руки и сразу отдернула, вспомнив запрет.

– Иди там, где сухо, – зашептала она, как в горячке. – Не ко мне... дальше. Туда, где не холодно. Слышишь? Иди, сыночек... иди.

Староста отвернулся, вытирая глаза рукавом. Его жена беззвучно плакала, прикрыв рот ладонью.

Мальчик качнулся вперед, будто ветер подтолкнул его между лопаток. Из пруда за ним потянулись щупальца из тины и водорослей, как не желая его отпускать. Но что-то мелькнуло, и кто-то невидимый чиркнул по воде бороздой, отсекая ребенка.

Цай Ань тихо ахнула и посмотрела на свою тень. «Не я» – ответил Мин на ее вопросительный взгляд.

Пошатываясь, мальчик шел по дорожке золы, а мать вновь тянула руки к нему, порываясь обнять.

– Стой! – крикнула тут же Цай Ань. – Если любишь его – отпусти!

А-Хуа согнулась пополам, прижимая ладонь к животу, словно ударили там, где носила ребенка.

– Я отпускаю! – выкрикнула она в темноту, равнодушно вззирающую на ее муки. – Слышишь? Отпускаю! Только не стой больше в холоде... не стой там один...

– *Теперь*, – прошептал Мин. – *Мягко*.

Цай Ань подняла пальцы к шее. Вдох. Двойной щелчок. Шепот наружу, гул внутрь.

– И-ди... даль-ше...

Слова легли на тишину ровно, как гладкий камешек. Мальчик сделал еще шаг, и вода будто выдохнула, освободив душу. Пламя верхнего фонаря потеплело и стало белее. Этот свет уже не резал, а звал. Нижний, наоборот, потемнел, как пропускающая мимо себя чью-то тень.

Поднявшийся ветерок шевельнул верхушки деревьев, и тело мальчика упало, как кукла, над которой отрезали державшие нити. Лягушки в камышах вновь начали счет. Ровно. Без сбоев.

А-Хуа опустилаcь на колени перед своим мертвым ребенком, и теперь только качалась, прижимая к груди его башмачки.

Цай Ань смотрела на нее и молчала. Сказать больше нечего. Иногда узлы развязываются не руками, не словом, а тем, что сердце позволяет мертвым уйти.

– *Довольно*, – сказал Мин. – *Вот теперь всё. А сейчас...*

Он запнулся. Пауза затянулась, и Цай Ань с беспокойством на него посмотрела. Забыла что-то еще?

– *Мы...* – Мин словно перебирал в темноте узлы, не найдя

нужный – ...перенесли соль к входу, верно? И... ступеньку для света... сделали?

Цай Ань понимала, чем пришлось заплатить. А уходя с берега, заметила в золе позвонок мелкой рыбки – белый и сухой, как слово без гласных. Подобрала, положила его в мешок рядом с зеркальцем – на память о том, что сделали здесь.

За спиной снова запели лягушки, как закрывая брешь тишины. Боли в ней меньше не стало, но всё вернулось в свой ритм, стоило поправить здесь свет и показать путь.

10. Под каменным карпом

*Когда не боятся смерти, к чему им смертью
грозить? (Лао-цзы)*

Когда Цай Ань спала, Мин тоже грезил, но сном это не было. Тень оседала глубже, уходя к черному озеру, где стихал внешний шум и не терзал голод. Ни звука, ни ветра. Зеркало воды отражало лишь тьму, отнимая у пустоты немного пространства.

Мин расслаблялся и смотрел в глубины, хранившие тайну его прежней жизни. Ее осколки понемногу всплывали из них, позволяя надеяться, что рано или поздно мозаика сложится и вернет его память. Иногда озеро возвращало не прошлое, а словно перескочив настоящее, показывало что-то на день вперед. Уже не воспоминания, а будто трещина в чаше, где видно то, чего еще нет.

В эту ночь вода показала арку у въезда на рынок. Каменный карп на фронтоне – безглазый и равнодушный к тем, кто проходит под ним. Старый знак, почти съеденный временем, и поверх – свежая, наглая печать дома Бай.

При виде нее Мин ощутил глухое раздражение, будто толкнули, задев за больное. Но отвлекло тут же другое: миска соли, режущий свет лампы – плоский, как нож. А еще колокольчик, сперва дрогнувший робко, а потом истерично

поднявший на ноги всех.

Там же Мин увидел Цай Ань. Не всю, а частями: заломленная за спину рука, прядь волос, прилипшая к мокрой щеке, открытый в беззвучном крике рот. И будто незримая, натянутая до предела струна задрожала перед тем, как оглушительно лопнуть, погрузив в черноту.

В этот момент Мин отшатнулся, и вода пошла рябью, не показав ему больше. Но и так было ясно: там всё кончится плохо. А как будет здесь?

Если рассказать Цай Ань, она рассмеется. У нее-то память не течет, как сквозь пальцы вода. Он же путается, забывается, но при этом прозревает то, что их ждет?

Мин не поверил бы даже себе. А если и правда, то можно ли изменить то, что дали ему подсмотреть? И не сделает ли тогда еще хуже, сопротивляясь воле небес?

Ни один из героев преданий не смог изменить нить судьбы после визита к гадалке. Так стоит ли дразнить провидение? Оно уже знает ответ.

Возвращался Мин осторожно, как нащупывая путь в темноте. Утро не предвещало беды, встретив обычным: ароматом еды, шорохом ветра и воркованием птиц за окном. Цай Ань не спала и сидела в постели, подтянув колено к груди. Взгляд еще сонный, но раздраженный, как все последние дни.

Цай Ань можно понять. После Сяо-Шуй найти ночлег в деревнях стало несложно – слухи уже поползли. Она уме-

ла лишь чинить мелкое и воровать, а от нее ждали другого: отыскать скотину, что сгинула в поле, навести порчу, вызвать дождь или найти жениха. И что хуже – называли ее «Лин Сюэ», приписывая мистические силы и действия, то ужасавшие, то восхищавшие жадных до чуда крестьян.

Это имя пристало, как репейник к подолу. Чужая слава спасала от голода, но легла тяжким бременем. Цай Ань злилась, отказывала в помощи и всё отрицала, что лишь укрепило веру людей. Крыша над головой и еда были всегда – они опасались ее разозлить. В округе, похоже, и впрямь бродила какая-то ведьма, и все принимали теперь за нее.

Встав, Цай Ань потеряла плечо и поморщилась. Сак-янт, видимо, ныл – плохой знак. Ему верила больше.

– Не начинай, – хрипло сказала она, опередив реплику Мина.

И так каждое утро. Он уговаривал уйти в соседний уезд, куда молва еще не добралась. А лучше вообще из страны – как можно дальше от «Лин Сюэ». Будет обидно, если казнят лишь за громкое имя.

– Тебе дадут деньги – просто спроси. Всего один раз! – повторил Мин то, что предлагал ей всё время. Караванщик бесплатно с собой не возьмет.

– Я работаю не языком, а руками! – возмутилась Цай Ань, не считая воровство чем-то порочным. – В Ши-Юй же идем.

Именно этого Мин и боялся. Сегодня там рыночный день. Если предупредить, скажет – «придумал», зная, как не лю-

бит ее ремесло. Чистка карманов для Цай Ань, как искусство, а вот обман и мошенников терпеть не могла.

Выйдя за околицу, она поклонилась хозяину за кров и еду. Кивнув, тот отвел глаза и сказал:

– На тракте нынче досматривают. Из управы люди. С морской солью и лампами.

Цай Ань застыла на миг, потом завязала пояс потуже.

– Всех досматривают, – нарочито равнодушно сказала она.

– Всех, – согласился хозяин. – Только ищут не всех.

Вероятно, по неопытности, монохромный свет, колокольчик и соль ее не пугали. Она слышала, что с их помощью ловят ведьм, но не считала себя таковой. Или полагала, что ее спутник справится сам. Но Мин знал только то, что нельзя показать двуголосье. Что с ним будет под лампой лишь предстояло проверить, поэтому будет вести себя тише воды.

Ночью шел дождь, и небо дробилось в зеркальцах луж. Цай Ань шла быстро, кутаясь в накидку и закрыв шарфом горло. Оно всё еще болело после Сяо-Шуй, отзываясь холодным ощущением натянутой нити. Несколько раз пыталась прочистить, но получался лишь хриплый, злой полувздых.

Мин держался тише обычного. Он мог бы снова заговорить, объяснить, напугать. Мог бы рассказать про арку, карпа и колокольчик. Но чем яснее вспоминалось видение, тем меньше себе доверял. Что, если предупреждение как раз и запустит цепочку? Разве не об этом говорят все истории, где

кто-то пытается судьбу обмануть?

К полудню Цай Ань вышла к рынку Ши-Юй – когда-то рыбному посту дома Ло, где собиралась украсть на дорогу. Здесь свет был живым, тени – послушными, а карманы звенели монетой. От купцов не убудет, если потеряют чуть-чуть.

У заставы разбитая колесами дорога раскисла, и телеги вязли в грязи. Образовался затор. Корзины с мясом и рыбой в них влекли местную нечисть, но ее видел лишь Мин. Свои голодные были и здесь.

Его худшие опасения сбылись – на фронтоне встретил каменный карп. Его безглазая морда спрашивала словно с насмешкой – «рассказал или нет?»

Небольшая сторожка, столбики с обеих сторон и навес, под которым стояли три стражника. Тут же столик, на нем лампа, миска соли и колокольчик – набор духоборца одинаков везде. На стене, под свежей красной печатью еще проступал старый знак, вновь кольнув этим Мина. Но он был занят другим. Проход под аркой – напряженный момент, которого ждал и боялся.

Цай Ань шла, не поднимая взгляд, за возницей, стараясь держаться ближе к телеге, словно приехали вместе. Мешковатая, но чистая накидка скрыла фигуру, но не давала выглядеть нищенкой. Волосы заранее убрала под платок, чтобы не приковать мужской жадный взгляд. Молодых и хорошеньких среди местных крестьянок немного.

Мин чувствовал, как у нее саднит Горло. Боль была сухой

и тонкой, как застрявшая там рыба кость. Цай Ань еще плохо обращалась со шпилькой, и Мин старался лежать в тени тихо и плоско, не выходя за границы. Он не был уверен, что выдержит соль и сможет обмануть монохромную лампу.

Очередь продвигалась неспешно. Цай Ань опустила подбородок и смягчила плечи, подстраивая шаг под походку возницы. Не медленнее и не быстрее его. Пальцы держала глубоко в рукавах, чтобы помнить тепло, а не звонкую тяжесть чужого кармана. О ней лучше подумать потом.

Кто-то впереди начал спорить из-за новых пошлин. Стражник поднимал лампу то к одному, то к другому лицу – без особого рвения, но и без скуки. Свет скользил по ним, как отъедая объем, и делал черты неестественно плоскими. А когда падал на тени, они будто вздрагивали перед тем, как исчезнуть.

– *Только не кашляй,* – предупредил Мин беззвучно. Здесь колокольчик еще не услышит.

Цай Ань сердито сглотнула. Она бы кашлянула ему даже на зло, не будь ситуация настолько опасной. Горло под шарфом сильно чесалось, требуя хоть как-то сорвать эту саднящую сухость.

До арки оставался с десятков шагов. А когда поравнялись, случилось то, чего Мин боялся: Цай Ань привлекла внимание стражников. К ней прилипла рыба чешуйка, украсив перламутровой точкой щеку.

– Эй, красотка... – окликнул младший из них.

Цай Ань вздрогнула и остановилась.

– Вы вместе? – Он перевел взгляд на возницу.

– Не. Хотя... Прыгай в телегу! Жене скажу: рыбку купил! – хохотнул пьяно тот.

– Я... из Хэбяо, – нашлась, вспомнив деревню, Цай Ань. И опустила глаза. – Пряжу вот купить наказали.

– К тебе чешуйка прилипла, – сообщил молодой, улыбаясь легко и приветливо.

– Ты, видать, тоже? – вновь заржал возница, заставив коня оглянуться.

– Где? – смутилась Цай Ань и потерла плечо. Там закололо тревожно.

– Я сниму, – успокоил юноша, протягивая к ее лицу руку.

Пальцы задержались у щеки больше, чем нужно, что вогнало девушку в краску.

– *Вот ублиодок!* – прошипел Мин беззвучно.

Колокольчик дрогнул робким, как от сквозняка, «дзинь».

Второй стражник – матерый, с обветренным и усталым лицом, – поднял над Цай Ань лампу, будто хотел рассмотреть лучше.

Мин почувствовал острую резь, точно его строгали ножом. Боль и жжение вызвали неудержимое желание подняться и встать, словно чужой и властный приказ был вписан в этот мертвенный свет.

Тень под ногами дрогнула и подалась вверх. К счастью, стражники смотрели на девушку, так мило смутившуюся от

мужского внимания. Она прекрасно сыграла, и это дало время Мину собраться.

Он прилип к земле, став будто тяжелым. Вцепился в нее, точно сорняк, яростно прорастая корнями.

Лампа жгла. Слепила так, что внутренняя тьма пошла серебристыми трещинами. На мгновение Мин вовсе перестал понимать, где находится. Жалящий свет беспощадно пронзал само естество тьмы. И чем больше она сопротивлялась ему, тем сильнее тянуло.

Мин вдруг резануло: лампа видит усилие – цепляется за то, что не хочет подняться, показав себя людям. И тогда он его отпустил. А убрав крючок, перестал быть и зверем в капкане. Тень сразу осела и распласталась – втекла в колею и в грязную лужу. Свет искал то, что не хотело вставать, но сопротивления не было.

Теперь поднесли лампу к вознице, и Мин понял, что удержался. Тьма не стала спорить со светом, но и для нее в мире есть место. Вода всегда найдет трещину в камне.

Но радоваться еще было рано.

– А пальчики-то у нее не крестьянки, – хмыкнул в усы третий стражник. – Да и не видел я таких там. Ты чья будешь?

– Работаю с пряжей у... – испуганно повторила Цай Ань и закашлялась.

Она пока не смогла найти баланс в шпильке Горла, отчего голос пропадал и срывался. У нее был инструмент, но не было нот, поэтому будто перебирала струны вслепую.

Мин было решил, что ее засыпят вопросами и непременно раскроют. Но мимо, ругаясь на чем свет стоит, тащили бочку с живой рыбой. Цай Ань как бы случайно подставила ногу, и носильщик споткнулся. Вода выплеснулась на стражника вместе с угрями. Те заискрились, и в поднявшемся хаосе о пряже и пальчиках тут же забыли.

Цай Ань не ускорила шага. В этом и было ее ремесло. Не выдать страх облегчением. Не сорваться в бег там, где спаслась, как казалось. Пройдя под каменным карпом, она наконец-то миновала навес и затерялась в толпе по ту сторону арки.

За ней шумел рынок: крики зазывал, смех и торги сливались в неразборчивый гул. На лотках – всё, что было так дорого сердцу Цай Ань: ленты, застёжки, заколки и гребни.

После пережитого ей напряжения она чувствовала себя бесконечно усталой. Трудно было даже завязать шнурок на ботинке. Узел не слушался: пальцы дергались, живя своей жизнью, и петля расползалась. Страх еще дрожал в пустом, сорванном горле.

Цай Ань знала, что ей поможет: томительное предвкушение, а потом краткий триумф после кражи. Это лучше всего ставило на ноги.

Жертву долго искать не пришлось. За карманные часы взгляд Цай Ань зацепился мгновенно. Она давно смирилась и приняла свою слабость: непреодолимое желание что-то украсть. Это и было ее истинной страстью, независимо от

цены вещи, которую удавалось стянуть. И потому как сорока тащила блестящее, испытывая интимное почти наслаждение от остроты ощущений.

Часы висели, как приманка на леске. Серебряная крышка мигала в солнечных бликах, цепочка дугой уходила под пуговку. Купец жаловался на пошлины, жару и необразованность местных, обмахивая потную шею платком.

Мин почувствовал, что Цай Ань подобралась, как перед прыжком. В такие мгновения ее тело будто действовало само по себе, просчитывая движение к чужому карману: рука нашла траекторию, плечо – нужный угол, а ноги – дистанцию. Подстраивалось под походку, дыхание, шаг.

Но Мин видел, что ее горло еще оставалось сухим, а пальцы в рукавах чуть дрожали. Только что едва завязала шнурки, куда тогда лезет с перетянутой и расстроенной шпилькой?

«Оставь. Ты не сможешь!» – шепнул он, но ему не ответили. Выйдя на охоту, Цай Ань подкралась, как кошка к зазевавшейся птице, встав за купцом.

Дождавшись толпы, девушка протиснулась между ним и прилавком и, как извиняясь, ладонью коснулась локтя. Другая нырнула к жилету.

Остро заточенная монета срезала пуговку, и приятно тяжелый кругляш лег в ладонь. Еще бы полвдоха, и всё получилось. Но хватка вышла не точной, а жадной. Цепочка повисла, легко стукнув по животу толстяка.

Он оказался не таким уж неловким. Широкая ладонь метнулась вниз, точно клещами ухватив за запястье. Цепочка порвалась, обрывок остался в руке.

– Воровка! – заорал купец, побагровев так, будто плеснули в лицо кипятком.

– Стоять! – вторили ему от заставы.

Вскочив, стража побежала на шум, раздвигая толпу. Кто-то расступался, кто-то замешкался. Сочувствовали здесь не купцу.

– Вот и пальчики! За пряжей, говоришь, шла? – ухмыльнулся стражник в усы, мгновенно узнав.

– Плетьми бить, прилюдно! Вот ведь мерзавка... – поддакнул толстяк.

Горло сжал спазм, и ответить Цай Ань уже не смогла. Да и нечего было сказать.

Молодой, что улыбался у арки, увидел обрывок цепочки и досадливо крикнул, словно не хотел верить глазам.

– Спокойней! – смерил купца взглядом он.

Подошел старший. Взяв часы, задумчиво осмотрел крышку, подергал за цепь.

– Цела вещь, – отметил хмуро. – Не визжи, будто руку отгрызли.

– Воровка! При всех! А я налоги плачу! – брызнул слюной тот.

Молодой поморщился:

– Да будет тебе. Если из-за часов такой вой, я цепочку сам

починю.

– Но как же... – осекся толстяк, посмотрев с недоверием. В глазах подозрение, что они заодно.

Цай Ань дернула запястье. Его сжали сильнее. Молодой шагнул ближе, снял руку купца и сам взял за локоть.

– Пошли, – сказал тихо. – Только без дури.

Она молча кивнула. Говорить еще не решалась, чтобы не сорваться на подозрительный хрип. Воровка – не ведьма. Лишь бы Мин себя как-то не выдал.

– Немая чтоль? – буркнул купец, подбирая с земли свой платок. – Мало мне было...

– Хватит скулить, – оборвал его старший. – В сторожке разберемся и всё решим.

Цай Ань повели через толпу обратно к заставе. Люди рассматривали ее с любопытством, но не заступился никто. Молодой шел, заслоня собой от сверлящего взглядом купца.

– Такие вот часы сперва тянут, а потом нож под ребра су-ют... – бурчал за спиной тот.

– Я ж сказал, не поднимай шум. Получишь свое и пойдешь. Чего тебе надо еще?

Мин же всё больше мрачнел, проклиная себя. Арка, карп, лампа и соль всюду – видение не обмануло ни в чем. Ну почему он ничего не сказал?

У сторожки доски крыльца блестели от сырости. Цай Ань дернула локтем и оступилась. Юноша инстинктивно схватил за плечо и порвал ей рукав. На плече открылось клеймо –

перекошенный, как от чужой злобы, крест. Шрамы доказывали, что его тщетно пытались свести. Их было много.

Молодой ошеломленно застыл. Купец моргнул несколько раз, как не веря глазам.

– Вот оно что... – присвистнул сквозь зубы старший. – Понял теперь? – Он с насмешкой посмотрел на юнца. – Ты ж говорил – «я женюсь»?

Тот отвернулся и покачал головой. В лице его что-то погасло, как закрываясь. Сочувствие, неловкость, мужской интерес – бесследно ушли. Клеймо будто сняло с девушки всё, оставив лишь то, что не стоит жалеть.

– С такими другой у нас разговор, – сказал старший без злости, но с уверенностью человека, узнавшего по метке товар.

Молодой больше не спорил. Не смотрел на Цай Ань. Только сжал локоть крепче и молча кивнул.

– На стол, – приказал старший и вопросительно посмотрел на купца. – Ты с нами, иль нет?

Толстяк, требовавший только что страшной кары, попятился и замотал головой, показывая, что не желает ни видеть, ни знать.

– Дело твое... – хмыкнул тот. – Тогда сами накажем. И чтобы никаких жалоб потом.

Купец кивнул и ушел быстрым шагом, оставив страже Цай Ань. Уже догадываясь, что с ней собираются сделать, она яростно забилась в руках. Вдох и выдох смешались, сердце

билось в груди, как у испуганной птицы, но ее толкнули в сторожку и захлопнули дверь.

Мин было рванулся внутрь, но боль ослепила, отбросив назад. Он попробовал еще раз, не понимая в чем дело, но ткнулся в тот же барьер и снова отпрянул, едва не воя от шока.

Дорожка соли тянулась по порогу, по щелям под стеной, огибая сторожку непроходимой чертой. Мин физически не мог за нее перейти!

Он заметался, обежав дом несколько раз в поисках щели, не тронутой солью. Но она жгла везде. Будь у него хоть какая-то плотность, отгреб бы ее, но он только тень! Крутится, как привязанная к столбу собачонка. Ни уйти, ни войти.

Понимая, что справиться с этим не может, Мин воззвал к единственному, кто был способен помочь. И был согласен на всё – отдаст что угодно.

Но колодец молчал. Отклика нет. Ни запаха, ни давящего ощущения присутствия рядом. Возможно, предупреждение было послано ночью, но его игнорировали. И вот теперь наказание. Наглядный, но слишком жестокий урок.

Понимая, что помощи уже не дождется, Мин остановился и прислушался.

В сторожке возились. Кто-то выругался. Глухой удар, будто ладонью в столешницу. Что-то опрокинули, и оно покати-лось. Тихий треск разрываемой ткани, а потом... тишина.

В том «сне» Мин слышал крик, но она оказалась страш-

нее. Напряженная, звенящая – тянулась-тянулась-тянулась.

И это ужаснее всего, что Мин мог представить. Даже мира голодных. Возможно, хуже горячих и холодных адов, хоть там еще не был.

Но вскоре в сторожке появился еще один звук – монотонный, как отмеряющий порции страдания там:

Тук-тук-тук...

Вероятно, одна ножка стола была чуть короче и стучала об пол.

Тук-тук-тук... А потом тихий всхлип.

В нем было столько отчаяния и обреченности, что Мин остановился и почти жалобно взвыл. Ему будто кипящей смолой капали на обнаженные нервы – эхо протеста, стыда, унижения и животного страха из западни.

И всё это были чувства Цай Ань!

– *Не надо... Перестаньте... Я вас убью...* – шипел Мин людям, небу и миру, бегая вдоль стены, как в клетке зверь. Но не знал как.

У зверя есть зубы, а у него пока нет. Бесплотная ярость – бессильна. Она не могла выбить дверь, поднять крик, вцепиться в лица. Беспомощная и бесполезная тень, чьи проклятия слышал лишь колокольчик. Надрываясь, он звенел без умолку, но до него никому уже не было дела.

Единственное, что Мин еще мог – сожрать муки, хлеставшие, как кровь из вскрытой раны. У них был настолько отвратительный вкус, что ими побрезговала бы и стая голод-

ных. Но он давился и ел, чтобы Цай Ань стало легче. Жаль, что не так быстро, чтобы ничего не почувствовала. Столько в него просто не лезло, а ей становилось всё хуже.

Надежда умирает быстро, если не приходят на помощь. Но чувство обреченности Цай Ань не сломало, не заставило сдаться. Не привело к безвольной покорности принять всё как есть и смириться.

На месте съеденного выросла тяжелая ненависть. Она не рвалась наружу, а собиралась в нарыв, откликаясь и в Мине, подпитывая его бессильную ярость. Но вместе они стали топливом для чего-то еще более темного.

Сначала он решил, что это жажда мести и злость. Но нет. Цай Ань как провалилась, натянув связь между ним и собой. Шпилька Горла была на пределе, но помимо нее отозвались и те, о которых не знал.

Внутренним зрением Мин почти видел, как в голове, животе, ногах и ладонях Цай Ань проявились незримые раньше узлы, едва удерживая под собой темноту. Не открывались по одному, не давали себя различить, а звенели от напряжения, угрожая ее отпустить.

Чем больше Цай Ань ненавидела, тем более жадно отвечала тьма в Мине. Чем сильнее бесился он сам, тем гуще и чернее становилось и в ней. Они распаляли, подхлестывали, раздували друг друга, как открывая в горящий дом дверь.

Мин не понимал, что именно так просыпалось, но останавливать его не хотел. Там клокотало нечто бездонное, сле-

пое и яростное. Катастрофа была неизбежна. Пространство вокруг налилось давлением, как перед грозой, но люди не замечали его. Зато поняли безошибочным звериным чутьем, и тревожное конское ржание смешалось с лаем собак.

Когда, наконец, это случилось, Мина оглушило, и на какое-то время мир стал для него серым пятном. На рынок опустился туман. Дорожка соли вспыхнула желтым огнем, а из сторожки раздался чей-то отчаянный вопль. Дверь вышибло, словно ударил осадный таран. А за ней вылетели куски человеческих тел, падая с мясным, влажным шлепком.

Тени стали будто бы гуще, а свет потускнел, когда из сторожки вылетела группа жутких существ.

Мин хорошо помнил голодных, видел и местных, но эти другие. Их словно выпустили раньше, чем приняли облик, и они вырвались ключьями тьмы. Тела то наливались объемом, то проваливались в плоскость, будто мир еще не решил, пускать их сюда или нет.

Увидев такое, люди закричали, и хаос охватил рынок, как пожар в сухих камышах. Бросив товар, все побежали, толкаясь и наступая на тех, кто упал. Кто-то залез под телеги, кто-то, напротив, на них.

Еще оглушенный, Мин видел всё это, как сквозь толщу мутной воды. Неведомая сила его тянула в сторожку, как и всех пришлых, что едва успели сделать пару шагов. Некоторые распадались уже на пороге, другие сопротивлялись, но убежать не могли. Их очертания рвались, точно бумага, и

кочки всасывало в проем, как в трубу.

Мин побежал в сторожку сам. Его не пугала эта воронка. Главное, чтобы не затянуло Цай Ань.

Перелетев почерневшую соль, он увидел, что девушки нет, а пространство за порогом расширилось, став больше, чем смотрелось снаружи. Очертания стен и предметов были искажены. Пол, лавка, посуда – всё было в крови и казалось смещенным, будто комнату дернули и не вернули на место. Свет лампы вытянуло и скрутило в дрожащую нить, а колокольчик висел в пустоте и звенел сам собой.

Но где же стол?

Сверху капнула кровь, и Мин поднял голову.

Стол парил под потолком, задрав ножки, точно алтарь, который не приняло небо. На перевернутой столешнице, запрокинув голову набок, как-то держалось, не падая, полураздетое женское тело. Спутанные волосы свисали черной волной, но лица не было. Вместо него зияла воронка, уходившая в иной, видимо, мир. Ключья теней тянулись в нее, как мотыльки к свету, бесследно исчезая во тьме.

Но Цай Ань всё же дышала, значит, счет не был закрыт. Мин понял это раньше, чем разглядел синяки, кровь и царапины. Ткань пространства оказалась разорвана, и мироздание залепляло дыру заплаткой из духов.

Одним из них был и Мин, – его тоже тянуло в нее. Ненависть всегда и везде стояла дорого. Цай Ань заплатила, не видя цены.

11. Пар над чашей

«Кто берет в долг у тени, платит собственным светом» (наставление об узлах кармы)

Зев воронки разверзся падением в бездну и черноту, которую слизала стая голодных. Вероятно, они строга́ли тень уже достаточно долго, раз добрались до имени, что пока не давалось. Оно словно упрямо держалось на невидимой нити. Это стало своего рода хребтом, где нарастало всё прочее – воспоминания, образы, мысли. У остальных их давно уже не было, для мертвых они – аномалия.

Их шепот – тихий и вкрадчивый, уговаривал стать таким же безликим: *«Брось всё своё. Оно принесет только муки».*

От голосов на время спасало бездумье, но они возвращались, когда память отращивала новые образы. Мин не всегда успевал спрятать поглубже, но кое-что всё же у него оставалось. В них еще было тело, большой дом, слуги и множество бытовых мелочей с теплым ностальгическим следом, который так ценили голодные.

Их черные подрагивающие языки безошибочно чувт самое вкусное. Они пахнут плесенью, гнилью старых могил, и словно скребутся в уме почти ласковым шепотом: *«Делись с нами всем, пусти нас в себя, и мы потечем единым потоком...»*

Твари лезут, обнюхивают, тыкаются безглазыми мордами, но в центре пещеры есть глубокий колодец, где оставляют в покое. Вода там слегка волновалась, словно в ней дышало что-то большое.

– Мы кое о чем договаривались, – заявило оно, как только Мин в нее заглянул.

– Я тебя знаю? – насторожился он.

– Не настолько хорошо, чтобы вытаскивать отсюда тебя каждый раз. Ты мне и так уже должен.

– Что должен? – не поверил Мин. Да тут любой думает так же.

– Самое ценное, – торжественно и уверенно объявил ему голос.

– Откуда мне знать, что это правда?

– В том мире твоя память вернется. Вернув туда снова, я заплачу уже дважды.

Мин понял, что колодец сделал ошибку, показав, насколько это сокровище важно. Раз платит за него второй раз, заплатит и третий. Выходит, можно с ним торговаться.

– А что для тебя – «самое ценное»? – спросил он, ловя жадные взгляды голодных. Их лакомство могло ускользнуть, но они не решались приблизиться. – Возможно, таким для меня будет что-то другое.

– Возможно, – согласился колодец. – Тем лучше.

– Я должен понять – так ли это.

– Зачем? Легче отдать то, что не помнишь. Крепче всего

держат то, чему дали имя.

– Тебе что за дело, легко или трудно с этим расстанусь? – возмутился Мин.

Колодец ответил не сразу:

– Разница есть. Ни мне, ни тебе не нужны лишние сложности.

– Но я не помню наш договор. И ничего не отдам, пока не узнаю, что потеряю.

– Не всякое знание бывает полезно, – раздраженно плеснуло вниз.

– Не всякий торг честен, – парировал Мин. – Ты скрываешь цену, значит боишься, что я откажусь, и на то есть причины.

– Не хочу препираться. Я покажу, чем плачу и что забираю, – сдался колодец.

Вода посветлела, показав девушку, которую вроде бы знал, но не помнил. Она тонула, и у Мина защемило внутри, будто сердце там всё еще билось. А его торопили уже новой сценой: арена, крики зрителей и фигура противника, чье лицо не давали увидеть.

– А это уже твой убийца, – вкрадчиво шепчет колодец, как бросая наживку. – Хочешь отомстить? Я покажу, как обрести силу.

На мгновение Мин вспомнил себя в человеческом теле – теплым, сильным, живым. И это тут же отняли, словно выдернув миску у голодной собаки, хорошенько ее раздражив.

Но он не кинулся, как бы сделала та, за этим вкусным куском.

Да, Мин очень хотел, хотя миг назад об этом даже не думал. Жажда мщения тлела так глубоко, что языки голодных ее не достали. Но когда подбросили дров, вспыхнула там адским пламенем. Только она помогла сохранить свое имя, иначе давно стал бы таким же.

Даже не помня деталей, Мин был уверен, что с ним поступили низко и подло, а значит, должны за его муки ответить. И ощущение своей правоты было даже глубже, чем память.

Но на другой чаше весов девушка – его девушка, раз ее просят. Мин совсем не помнил ее, но образ откликался в нем болью и горечью, а месть – лишь огнем. Сомнений в том, что является для него «самым ценным», уже не осталось.

– Нет, – сказал он.

Слово упало, как кость. Голодные почуяли перемену и придвинулись ближе. Пасти капнули слюной, языки задрожали – черные, узкие, жадные. Но вода чуть качнулась, и твари отпрянули, как псы от кнута.

– Ты не понял, – мягко сказал колодец. – Мы заключили сделку. Я просто напоминаю о ней.

– Потому что она нужна тебе больше чем мне, – отметил холодно Мин. – Какой еще договор? Я это не помню и должен поверить на слово?

– Тогда останешься здесь.

– И ладно. У меня бездна времени. А есть ли оно у тебя?

В этом Мин был почти честен. Тут не капала вода, не дви-

гался воздух и не менялся свет. Так бездумно можно сидеть целую вечность. Отсутствие боли и памяти само по себе не было мукой, а колодец вряд ли его скормит голодным. Безликая тварь для него бесполезна.

– Так что ты хочешь, малыш? – устало спросил он.

– Девушка будет со мной, – дерзко потребовал Мин. – А с мстью разберусь без тебя. Там мне помощник не нужен.

На какое-то время стало неестественно тихо. Почуяв скрытое во тьме напряжение, голодные задержали дыхание и перестали скрестись. Вода тяжело качнулась, словно там раздраженно махнули рукой, подсчитав убытки и выгоду.

– Допустим, – сказал он, как скрипнув зубами. – Оставь девчонку себе. Вся она мне всё равно не нужна. Вкус хуже не станет.

– Вкус? – переспросил Мин, не понимая, о чем идет речь. Не по частям же жрать ее будет?

– Цвет ее чувств. Пар над чашей, а не сама чаша. Я иногда буду приходить за своим, а ты делай, что хочешь, – пояснил глухо колодец. Вода пошла рябью, а тьма под ней собралась в зрачок, словно пыталась подавить взглядом.

– Пусть так, – согласился Мин, понимая, что лучших условий не выбьет. – Верни меня к ней.

Шепот голодных за его спиной стал раздраженным и злобным. Они чуяли, как уходит добыча, но оставить ее для себя не сумели.

От моря через щели в стене тянуло прохладой и солоноватым запахом йода. Птицы орали и дрались за еду. Балки хижины изъедены солью, в окно лился серый рассвет. На столике – зеркало, миска с водой и чайник.

Где-то снаружи раздался хриплый мужской смех. Цай Ань вздрогнула, будто получила пощечину и открыла глаза.

– Это просто рыбак, – успокоила сидевшая рядом с ней девушка. За дверью, откликнувшись, хрипло крикнула чайка.

– Где я?

– Здесь безопасно. Ты много дней бредила, но мы с этим справились. Меня зовут Лин Сюэ. – Она мягко коснулась плеча, предупреждая попытку подняться.

– Лин Сюэ?!

Услышав это имя, Цай Ань вздрогнула и села, как-то сразу устав. Стараясь не расплескать, взяла предложенную чашку в ладони. Глотнула – тотчас затошнило. В животе пустота, как от удара под дых.

Ведьма пришла наказать, узнав, что выдавала себя за нее! Или уже наказала?

Цай Ань не помнила ничего после того, как стражники толкнули за дверь. Память возвращалась скорей ощущением – чужим хриплым дыханием, жесткостью пальцев и едким

запахом пота. А еще обжигающим душу стыдом, унижением и задушенным криком.

Губы задрожали, глаза блеснули слезой. Шпилька Горла щелкнула «пробкой», словно запечатав там то, что лучше не знать.

– Спокойней. – Лин Сюэ взяла ее за руку. – Дыши глубже, расслабь нити. Я помогу.

Она вынула из игольницы тонкое, как волос, жало и подула на кончик. А потом коротко ткнула за ухом. Второй укол – в шею. Третий – в ладони.

Боль сжалась в песчинку, затем разбежалась дорожками, как дождик на плитах.

– В узлы, чтобы Шов был ровнее, – спокойно пояснила Лин Сюэ, выбирая новую точку. – Сейчас будет легче, чуть потерпи.

Игла вошла под скулу. Цай Ань дернулась, в глазах помутнело, а в уме, напротив, стало яснее. Догнал всплеск быстрых образов: крики, мольбы о пощаде и кровь. Тени рвали людей, точно тряпки, но их не было жаль. Напротив – желала им смерти, и та к ним пришла.

– Почему я здесь? – прошептала Цай Ань потрясенно.

– Потому что так надо. Твой сак-янт ведь молчит? – Лин Сюэ показала на плечо взглядом, и клеймо потеплело, с ней словно здороваясь.

– Они все погибли? – с дрожью спросила Цай Ань.

– Да. И обвинят в этом ведьму.

– Это не я! – запротестовала она, мотнув головой.

– Разумеется, – мягко согласилась Лин Сюэ, складывая в игольницу свои инструменты. – Но в Канцелярии об этом не знают. Ищейки Ян Шо уже встали на след, поэтому выходить наружу опасно. Здесь шепчут быстрее, чем чай в чашке стынет.

– Но почему Канцелярия?

– Ты сорвала Лик и получила Оскол. Они ищут таких.

– Что сделала?

Ведьма взяла со столика зеркало и развернула к ней.

Цай Ань вскрикнула, не узнав в нем себя. Лицо было другим. Возможно, более утонченным, чем раньше, но тонкий как нитка, шрам резал его с двух сторон от висков к подбородку. Не ожог, не рубец, а словно трещинка на белом фарфоре.

Всхлипнув, девушка закрыла глаза, как не веря тому, что они видят. Там совсем не уродина, но это другая!

– О рубце не беспокойся – его можно спрятать стежком и дыханием. У меня много таких. – Лин Сюэ дала ей платок.

– И видно не будет? – спросила Цай Ань, чуть успокоившись.

– Если знаешь, как спрятать, – тяжело вздохнула Лин Сюэ. Она оттянула ворот, показав сеть ветвящихся, как молнии, линий на шее. – Видишь? Это моя карта цен за ошибки. Но есть и другие... следы.

Ведьма подняла руку и сделала движение, словно снимая

маску с лица. Воздух стал холоднее и пахнул затхлостью давно запертой комнаты с трупом.

Цай Ань невольно отпрянула, закрыв рот ладонью. Перед ней предстала старуха: морщины, провалы щек, бесцветные глаза и в трещинках губы – облик, страшный правдой прожитых лет.

– Как я тебе? – голос, только что звонкий, звучал, как сухой шелест листьев.

– Ужасно... – испуганно призналась Цай Ань.

Лин Сюэ вновь коснулась виска, и прежние черты к ней вернулись, разглаживая юностью кожу.

– Как видишь, возраст не главное, когда держишь у-вэй. Я научу многому, если примешь меня как шифу.

Цай Ань недоверчиво посмотрела, сомневаясь, что правильно поняла. Она сирота и воровка, а вокруг столько возни! Духи слетаются, как мухи на мед, а сама Лин Сюэ предлагает учебу!

– А что взамен? – прямо спросила, не веря в такие подарки, Цай Ань.

– Возьму пять-десять твоих лет, – спокойно сказала Лин Сюэ, словно это пустяк. Но увидев, как она изменилась в лице, тут же добавила: – Зато научу, как жить сотни лет. Поверь, моя девочка, это хорошая цена за краткий цвет юности.

– Наверное, отказаться я не могу? – потрясенно прошептала Цай Ань.

– Можешь, – пожала ведьма плечами. – Но зачем? Без

моих знаний силы, которые получила с контрактом, опасны. Цена ошибки, как видишь, будет большой.

Нервно сглотнув, Цай Ань старалась не вспомнить, что случилось в сторожке, но усилие дало обратный эффект. Подкатила тошнота, и подавленное подсветилось с отвратительной ясностью: задранный бесстыдно подол, сквозняк холодит голые ноги. Ее держат за руки, прижав к грязной и липкой столешнице. Сухие крошки на ней больно впиваются и царапают кожу.

А потом... Потом появились страшные твари. Почему ее тоже там не убили?

Комната закружилась, и Цай Ань вернулась в милосердную тьму, освободившую от этих кошмаров. Очнулась, видимо, на следующий день, и с облегчением поняла, что снова не помнит. Лин Сюэ сидела на том же месте и, видимо, всё еще ждала ответа.

«Не думай, как так случилось. Думай, что делать теперь!» – вспомнила Цай Ань слова дядюшки Юй. В этом есть своя логика: причины не так уж важны, когда надо действовать. Придется принять предложение, иначе те жуткие существа снова вернутся. Но с этим она почему-то тянула.

Сейчас пригодился бы совет Мина, но его нет. Куда он пропал?

Впервые Цай Ань так остро ощутила свое одиночество. Без привычного шепота уже словно голая, лишившись опоры и хоть какой-то защиты. Некому учуять подвох, кольнуть

словом, заметить то, что сама пропустила. С Мином спорила и огрызалась, но его тень давала уверенность, которой так теперь не хватало.

– У меня был... – замялась Цай Ань. – Спутник...

– С Мином, надеюсь, всё хорошо. Мо его приведет, – пообещала Лин Сюэ и, успокаивая, взяла за руку. – Он сейчас с ним.

– Кто такой Мо?

– Мой ммм... партнер. Примерно, как твой юный дух.

– Тоже тень?

– Давно уже демон. Знаешь, они быстро растут, если много едят. Ты хорошо своего кормишь? – спросила ведьма как между прочим.

– Мин ест мою боль, – стыдливо призналась Цай Ань, уже доверяя ей больше.

– Бедняжка! – всплеснула руками Лин Сюэ. – Это потому что не знает, как по-другому. Дух должен быть сильным, на нем нельзя экономить. Дай ему то, что он хочет.

– И что же он хочет?

– Вот и подошли к главному, – интригуяюще улыбнулась она. – Проще показать, чем объяснить, а там всё поймешь. Мо в этом поможет, если захочешь.

– Если? – насторожилась Цай Ань. Демону вряд ли нужно ее разрешение.

– Наш выбор – иллюзия, – усмехнулась Лин Сюэ, прислушиваясь к чему-то снаружи. – Можешь ли ты, например, не

дышать? Не желать, не мечтать? Мы как сухие листья в кармических вихрях, где кажется, будто что-то решаем.

Цай Ань открыла рот, чтобы ответить, но вместо этого ойкнула. Сак-янт внезапно кольнул, заставив поморщиться.

– Болит? – участливо спросила Лин Сюэ. – Значит, наши мальчики уже возвращаются.

Она протянула руку, словно хотела погладить плечо, и Цай Ань почувствовала холодный укол, словно ткнули со-сулькой. Игла вошла и остановилась.

Вспыхнувший было протест не успел вылиться речью. Свет и краски в хижине будто приглушили, и очертания предметов в ней стали двоиться. Безмятежность, баюкая, разливалась внутри, располагая к озаренному и тихому счастью. То, что бушевало, сомневалось, боялось – замерло, но совсем не исчезло. Это утопили под тишиной и покоем, что принималось за милость.

И Цай Ань была за нее благодарна. Она, наконец, нашла свое место, где нет стыда, страха и боли. Сладостное и разрешающее всё подчинение стало естественным, точно дыхание, сняв груз беспокойных мыслей и ненужных вопросов. Здесь безопасно, пока будет делать, что скажут. Это намного приятнее, чем думать самой, как теперь ей казалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.